Апофеоз синего будильника

Андрей Павлухин
Александр Татульченков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Читатель, перед тобой консистенция нелинейного бреда с параноидальным привкусом. Идеи, изложенные ниже, таковыми не являются. Все совпадения с реальными личностями и событиями коллективно-бессознательны. Не читай. Не смотри. Не показывай друзьям, близким и людям со слабой психикой.

Александр Татульченков

Андрей Павлухин

- Андрей Павлухин, Александр Татульченков
  - Тумбочка-убийца
  - Хлеб — всему голова
  - Беспокойное сердце
  - Катарсис
  - Ученье — свет
  - Набор
  - Былое
  - Панк Федот
  - Краеведение
  - Клубное движение
  - Вечная любовь
  - Бригадир
  - Чудо техники
  - Смерть в песочнице
  - Встреча
  - Операция «Хрусталь»
  - Аксиомы, постулаты
  - Крылья ужаса
  - Синий будильник
  - «Вирус Зю»
  - Мессия
  - В обители…
  - Закусочная «Гурман»
  - Гена
  - Апофеоз
  - Суббота, 29-е
  - Не важно
  - Многозначительная глава
  - Кусочек аппетитного BREADa
  - ПРИЛОЖЕНИЕ А
  - ПРИЛОЖЕНИЕ Б
  - ПРИЛОЖЕНИЕ В

○ ПРИЛОЖЕНИЕ Г
○ ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Андрей Павлухин, Александр Татульченков
Апофеоз синего будильника

Тумбочка-убийца

Город вторую неделю жил в страхе. Ночные улицы опустели, даже бомжи закапывались поглубже в отбросы и баррикадировались на чердаках. Наркоман, что обитал в трехэтажном деревянном доме по улице Луначарского, каждый вечер перебирался в другую комнату. «Зло грядет», — любил повторять он. Но зло можно обмануть — если ширяться в разных местах и не забывать помолиться, взяв в руки машинку.

Однажды двери подъезда распахнулись, и в древесную тишину со скрипом внедрились шаги.

Шаги принадлежали студентам Олегу и Никифору, которые решили выпить, но не знали где. Дом подвернулся случайно — бывшая коммуналка, бывшая фабрика по пошиву кожаных ремней. Правда, о его славном историческом прошлом студенты не догадывались. Олег нес бутылку водки «СССР» и пакетик с чипсами «Хрустец». Никифор — литр пива «Крыница» и крабовые палочки. Не забыли студенты и граненый малиновский стакан.

Заслышав шаги, наркоман что-то нечленораздельно промычал и укрылся куском картона.

Олег шагнул в пролом на третьем этаже и осмотрелся.

Пол из нестроганых досок, всюду валяются тряпки, поролон, обрезки кожи. У окна — верстак. Там же — одинокая табуреточка.

— Я сейчас, — сказал Никифор. Оставив пиво и крабовые палочки на верстаке, он удалился.

Пожав плечами, Олег принялся за открытие «СССР».

Спустя мгновение вернулся Никифор. Он приволок жестяную выварку с облезшей коричневой эмалью, перевернул ее и сел. Олег протянул другу стакан и пиво. Никифор выпил. Потянулся за чипсами.

Смеркалось.

— Сколько там? — спросил Никифор.

Олег отставил «Крыницу».

— Без пяти десять.

Студентов выгнали из общаги, поэтому спешить им было некуда.

— Вахта скоро закроется.

— А тебе-то что?

Покатили по второй.

Никифор угрюмо жевал «Хрустец». На небо вывалилась луна. Когда Олег отвернулся от окна, ее лик заслонила крылатая демоническая фигура.

— Вон Грипперс-Трипперс полетел, — сказал Никифор.

— Фигня.

— И про Тумбочку-убийцу — фигня?

Олег пожал плечами.

— Не слышал.

— Тогда слушай, — растягивая удовольствие, Никифор наливал грамм по двадцать, не больше. — Жила-была Тумбочка. И родились у нее три тумбоченятки. Непослушные, как и все дети. Лезли куда попало, и лязгали дверцами. «Не лязгайте дверцами», — говорила им мать. Но нет. Все бесполезно. Тогда Тумбочка разожгла печь, порубила тумбоченяток на дрова и предала огню. Остались лишь болтики и гвозди. Фурнитура, одним словом. С тех пор Тумбочка-убийца бродит по миру, ловит непослушных детей. И уничтожает.

— За мебель, — Олег осушил стакан. Запил пивом.

— Я слышал — она в городе, — Никифор поежился. Июнь выдался жарким, но от заоконных ландшафтов повеяло моргом.

— Не моргом, — поправил Олег. — Крематорием.

— Да, крематорий, — согласился Никифор. — Маленькая девочка со взглядом волчицы, я тоже когда-то был самоубийцей…

— Я тоже лежал в окровавленной ванной, — прошептал за стеной наркоман. — И молча вкушал дым марихуаны.

Далеко внизу скрипнула чья-то незапертая шуфлядка. Легла на асфальт квадратная тень.

Тумбочка-убийца шла к детям.

Хлеб — всему голова

Ночь. Полнолуние. Пятница 13. На 13-м километре дороги на райцентр от деревни Полуночное Гнездилово стоял убыточный до безобразия хлебозавод № 13 имени XIII съезда КПСС. Над центральным входом гордо возвышалась табличка — «Хлеб — всему голова». Завод располагался на месте древней природной аномалии. Повисшую в небе тишину прохладной ночи взорвал тринадцатисекундный раскат грома. Сверкнула молния. Молния, природная аномалия и проклятье старого мага, некогда проезжавшего эти места, слились в неком трансцендентном единстве. Образовался огромный специфический фильтр. Прошедший сквозь него разряд материализовал фразу на табличке. Финалом сего взаимодействия явился модернизированный Колобок из небезызвестной сказки.

Существо получилось злобное, но интересное. У новорожденного Колобка сильно резались зубки, от чего он истошно плакал, неумело наполняя воздух нецензурной бранью. На поднятый крик, чувствуя запах свежего теста, с соседнего сельского кладбища прибежала старая потрёпанная жизнью дворняга. Завидев Колобка, псина ринулась во весь апорт, брызгая слюной по сторонам.

В свете ночного ужаса белой саблей сверкнули собачьи зубы. Колобок внезапно захлебнулся своим криком. Он почувствовал, как инородное тело пронзило его плоть. От страха Колобок зачерствел. Однако это не остановило голодную тварь. Лишь когда Колобок был окроплён доброй порцией собственной крови с характерным уксусным запахом, она отпряла. Колобок лежал, глядя мутными глазами в тёмное небо. Его первое свидание с жизнью было неудачным. Колобок закрыл глаза и увидел яркий свет, доносящийся откуда-то сверху. Он услышал пенье ангелов. «Последнее слово техники», — подумал Колобок, наслаждаясь стереомелодией в системе DOLBY. Вдруг один из ангелов подлетел к нему и отчётливо сказал: «Разряд. Ещё разряд».

Колобок пришёл в себя. Вокруг суетились люди в белых халатах. «Необходимо сделать сорок уколов от бешенства в живот, — сказал врач, — только где он у него?». Молодая медсестра склонилась над Колобком, пытаясь уколоть ему снотворное. Почувствовав боль от проникающей в него иголки, Колобок рванулся из последних сил к слегка приоткрытой двери. В этом мире он больше никому не доверял. Колобок пронёсся по коридору, как новенький ротейро — бешенство давало о себе знать. Пробежав в беспамятстве по коридорам, Колобок очутился

на ночной улице. В тусклом свете уличного фонаря он заметил на себе бирку о поступлении в больницу, где в графе «имя» было указано Б… Б… Х… Б…. Колобок смог различить лишь заглавные буквы, поскольку изображение плыло перед глазами. Колобок вдруг вновь почувствовал, как ноют режущиеся зубы, да и Бэ-Бэ-Хэ-Бэ никак не выходило из головы.

Обозлённый на весь мир в целом и собак с людьми в белых халатах в частности ББХБ катился по грязным улицам захолустного райцентра. В голову ему приходили зловещие идеи создания банды и мирового господства. Вдруг откуда-то из-за угла появилась старая раздолбанная колымага, из распахнутых окон которой плевками из динамика китайского магнитофона доносилось: «Кто ты? Кто ты? Кто ты?». «Yo», — подумал Колобок и хотел было исполнить пару элементов в стиле брейк-данс, но фундаментальность философского вопроса поразила его до глубины души. «Кто я? — подумал ББХБ, — что я сделал в свои годы для хип-хопа — вторично». Что же значит ББХБ? И вдруг на Колобка снизошло откровение — ББХБ ничто иное, как бешенная бойцовская хлебобулка.

«ВНИМАНИЕ. РОЗЫСК!» — бросилось в глаза. ББХБ подкатился поближе к кричащей надписи. Разыскивается опасный преступник по кличке Мойдодыр. «Такие люди нам нужны», — подумал ББХБ. Но на таких сложно выйти. Скорее всего, они сами выйдут на тебя, если посчитают необходимым. В таких случаях нужно сделать что-нибудь безбашенно-отвязное или капитально-отмороженное. Но коварный план всемирного порабощения никак не приходил в голову юному шизоидному гению с экстремистскими наклонностями.

Беспокойное сердце

В три часа дня из деревни Полуночное Гнездилово выехал красный «Запорожец». Он двигался по разбитому, давно не ремонтированному шоссе в направлении райцентра N. Крыша у «Запорожца» отсутствовала, ибо народный очумелец Панкрат, тракторист по призванию, онанист от Бога, превратил своего четырехколесного товарища в кабриолет. Спидометр неизменно показывал цифру «30». По правую руку от Панкрата сидела его сестра Зося Мудакова (фамилия изменена в лучшую сторону), доярка-ударница из колхоза «Лингам Ильича». Странники имели твердое намерение прибыть в N к вечеру, а утром следующего дня посетить тамошний рынок. Панкрат давно откладывал деньги на спортивные штаны и кеды, Зося лелеяла мечту о китайской зубной помаде и тенях для ушей. Оба пребывали в хорошем настроении и вели неприхотливый диалог:

— Ходила вчера в клуб? — Спросил Панкрат, закуривая. Непередаваемый аромат «примы» сносило ветром.

— Угу, — буркнула Зося, опохмеляясь «Речицким».

— Дятликовские прикатили, — продолжил Панкрат. — Ну, мы их и…того. Никодиму носяру расквасили. Прикинь?

— Это тому, что с Катькой Евтуховой?

— Ну.

— Правильно.

Деревня Дятлик располагалась в шести километрах к югу от Гнездилова, и между двумя населенными пунктами шла извечная, непримиримая вражда. Чаще всего она выражалась в драках под стенами клуба. Своего культурного центра Дятлик не имел — старое здание обветшало, потолок провалился, окна заросли мхом. Это служило поводом для насмешек со стороны Панкрата и его соратников.

— Степан как вчера напился. — Зося укоризненно покачала головой.

— Да, знаю. Он Степаниду отмудохал по первое число.

— И как она терпит?

— Ужас.

Панкрат снял кепку и вытер пот со лба. Солнце светило безжалостно, без скидки на отходняк. Панкрат был крепким, давно не мытым парнем, с узловатыми и крючковатыми руками. Зося, в противоположность ему — упитанная, румяная, о таких говорят: «пятый размер». «Тебя саму доить надо», — добродушно шутили деревенские мужики, пуская ее по кругу на сеновале.

Резкий гудок заставил обоих дернуться.

Их нагоняла машина «скорой помощи» с черными крестами на бортах. До слуха донеслась полузабытая мелодия:

Сердце, как хорошо, что ты такое.
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить.

Панкрат утопил педаль газа.

«Скорая помощь» рванулась следом, толкнула «Запорожец» в задний бампер.

— Сука. — Сказал Панкрат.

Зося облилась пивом.

— Вот, урод.

«Скорая» атаковала опять. Удар швырнул Панкрата на руль. Он попробовал разглядеть в зеркальце заднего вида, кто сидит на месте водителя и не смог. Лобовое стекло было матово-непроницаемым.

Зося взвизгнула.

Панкрат прижал «Запорожец» к обочине, пропуская гребаный катафалк, затормозил. Машина с гулом промчалась мимо. Деревенцы перевели дух.

— Рожают, а нам расхлебывать, — сказал Панкрат.

— Не всех дурных война побила.

— Тише едешь — дальше будешь.

— Век живи — век учись.

«Скорая» сжалась в точку на горизонте и постепенно исчезла.

— Поехали? — Спросил Панкрат.

— Ну.

«Запорожец» тронулся.

Через несколько минут они вновь увидели черную «помощь». Водитель что-то сбрасывал в трубу колодца.

Панкрат остановился.

— Опять этот.

Зося шмыгнула носом — у нее начинался насморк. Шофер хлопнул дверцей, и катафалк умчался в светлую даль.

— Посмотрим, — предложила Зося.

— Нет. Ты что, фильмов в жанре хоррор не видела? Там трупы. Или врата в ад.

Зося решила не спорить.

Катарсис

Тем временем Мойдодыр, ведомый идеями Карлоса Кастанеды, готовился открыть людям глаза на истинное обличие мира, попутно убивая неверных. Мойдодыр был выпускником БГТУ по специальности электрохимия. Он специализировался на очистке стоковых вод. Он слышал историю о том, как сточные воды случайно попали в городской водопровод. И однажды, во время очередного прозрения он решил сделать эту случайность закономерностью. В такое состояние Мойдодыр входил каждый день посредством испития специального зелья. Рецепт радикальной панацеи от затуманенного разума он разработал сам. Не зря же он, будучи студентом, поправлял на лекции доцентов в области физической и коллоидной химии. Технология, разработанная вундеркиндом-ботаном, была проста как всё гениальное: FAIRY и COMET gel смешивались в соотношении 2:1 в специальном агрегате, напоминающем самогонный аппарат. Конденсировавшийся пар на выходе из этой адской машины и был тем самым ноу-хау эликсиром. Эта ядерная смесь освобождает разум от предрассудков цивилизации, распахивает глаза на окружающую матрицу и открывает в тебе все чакры для принятия космической энергии. Мойдодыр решил спустить свой волшебный чудо-напиток в систему городского водоснабжения. Только где взять столько исходных компонентов? Ответ ясен — украсть на складе фирмы «Чистюля», расположенном неподалёку. Только одному было не справиться. Нужен отряд искренне верящих в твою харизму подростков с лицами, не обезображенными высшим образованием. Путь к заветной цели был ясен.

С утра Мойдодыр начал свой извилистый путь к Олимпу. Он ходил по своему кварталу, мечась от столба к стенке, расклеивая объявления, распечатанные на печатной машинке, подаренной дедом. Объявление гласило: «Стань на путь истинный, предай свои проблемы истинному пророку. Стань адвентистом тринадцатого пришествия Иеговы».

Оставалось лишь ждать знамения. И он ждал, не забывая возносить молитвы и соблюдать пост, как учил его духовный наставник — панк Федот. Питаться во время поста можно было лишь шашлыками из крыс, поджаренными на тосоле. Пробило 6 часов. Время трапезы. Мойдодыр принялся претворять в жизнь своё очередное кулинарное произведение. На запах свежего жареного мяса из расположенной неподалёку закусочной «Гурман» прибежала посудомойка Люся, напоминавшая всеми

складками на теле капитана сборной Японии по сумо Ясука Жирновата. Завидев Люсю, Мойдодыр пустил в ход всё своё красноречие, донося до неё идеологическую пропаганду. Только Люся, захлёбывающаяся слюной, фильтровала всю фундаментальность фраз начинающего лидера своим голодным желудком. Те обрывки информации, что доходили до её ветреной головы, рождали сумбур и неразбериху. «Совсем одурманили рассудок, демоны», — подумал Мойдодыр, — «ничего, я спасу тебя и твою душу». Смеркалось.

«Сейчас я устрою тебе Вилларибо и Виллабаджо», — потирая руки, сказал Мойдодыр. Раздался всплеск. Это Мойдодыр купал Люсю в чане с FAIRY. Люся хихикала, растворяясь в галлюцинациях, внедрившихся в её рассудок через желудок посредством специфического блюда. Ожидаемого эффекта не происходило. Мойдодыр решил окунуть это порождение зла поглубже и подержать подольше. Тихо забрезжили лучики рассвета. От сковавшей тело дремоты очнулся Мойдодыр.

— Что я делаю над этим котелком? Небось, опять ходил во сне. Одно расстройство, да и мерзость всякая снилась. Посудомойки, Вилларибо, Виллабаджо. Не люблю конкурентов.

Ученье — свет

Колобок гонимый, словно ветром, раздумьями о бытии всего сущего, пропитанными идеями классовой борьбы колесил по ночным улицам. И тут внимание ББХБ привлекло, будоражащее сознание высказывание, доносившееся из телевизора, мелькавшего голубым экраном за стеклянной пеленой улыбающейся красноречивыми лозунгами каждому прохожему витрины: «В эфире ток-шоу „Проблема“. Тема сегодняшней передачи — „Друг ли клон человеку?“». Заворожённый Колобок жадно пожирал светящимися маниакальными настроениями глазами весь предложенный в передаче видео материал. «Бедные клоны, — думал ББХБ, — сироты — ни мамы, ни папы».

Ни смотря на свои знаменитые беседы «а-ля Сократ» в подворотнях пропахших запахом тления и мочи бомжей и бездомных собак, Колобок смутно представлял, что весь окружающий нас мир — Матрица, и вряд ли смог бы описать строение гиперкуба. «Ученье — свет», — выдали до боли знакомый вердикт закрученные до нельзя извилины серого вещества ББХБ. Решено — сегодня ликбез. Борьба с алкоголизмом и табакокурением отлаживается на завтра. Удручённый раздумьями Колобок направился в кладезь мудрости — библиотеку.

Вскоре ББХБ стоял у дверей старой обшарпанной, терявшейся в тени евроремонта соседних магазинов, библиотеки. Колобок незамедлительно просочился внутрь. Старый почти слепой и глуховатый библиотекарь не заметил присутствия в своей скромной обители кулинарного шедевра, жаждущего не хлеба и зрелищ или безопасного секса с неограниченным бесплатным доступом в Интернет, а всего лишь знаний. ББХБ сновал между старых прогнивших книжных полок, годившихся в дедушки самому библиотекарю, в поисках подходящей литературы. В полумраке редко посещаемой комнаты, освещаемой из последних сил 60-ти ваттной лампочкой, Колобок случайно задел один из стеллажей. Что-то больно ударило сверху. Оказалось — это книга со сказками упала с верхней полки. Впечатлённый весом и твёрдостью гранита знаний, ББХБ ещё долго не мог придти в себя. После своеобразного просвещения, оставшегося в памяти синяком на затылке и вошедшего в историю библиотеки отборным трехэтажным матом, Колобок стал листать жёлтые страницы своего обидчика. Леденящий душу ужас пробежал мурашками по всему телу — перед глазами ББХБ с надменной наглостью красовалась надпись «Колобок». «О, Боже я — клон», —

дрожащими губами прошептал ББХБ.

Слёзы закрывали глаза, мысли о суициде терзали сознанье, а образ мыла и верёвки никак не выходил из «головы». «Пойду повешусь, — подумал Колобок, — только как осуществить эту нехитрую манипуляцию с моей-то конституцией тела?». Что за жизнь — даже умереть спокойно не дадут. В припадке меланхолии и безразличия к жизни ББХБ произвёл на свет своё первое лирическое произведение, поражающее глубиной философской мысли:

Набор

Курок уже давно на взводе,
Распахнуто настежь окно,
Бутылка яда на комоде.
Ну, что мне выбрать суждено?
В розетке тихо ток течёт,
Кругом болезни, взрывы.
Да, что сгорит, то не сгниёт.
Такие перспективы.
Скрип стула, мыло, верёвка
Или система харакири.
Чтоб жизни лишиться, нужна ли сноровка,
Ведь столько помощников в мире.
На отдых съездить в Чернобыль
Иль подхватить что-нибудь атипичное,
Или зарин мне взять на пробу,
А старость дело привычное.
Да, разнообразен у смерти набор.
Здесь методов двести иль триста,
Но жизнь у них выигрывает спор.
Она лучший способ самоубийства.

«Во мне чуть не погиб поэт», — с усмешкой подумал ББХБ. Восприявший духом Колобок молча покинул библиотеку и поплёлся к своему временному месту жительства. Его путь лежал через подземный переход к станции метрополитена. Молча двигаясь с потоком не обращающей внимания на его внутренне смятение толпы, ББХБ заметил бомжа с табличкой: «Подайте Христа ради. Я инвалид. У меня нет ног». Бомж что-то неистово бурчал себе под нос, не переставая креститься всеми возможными способами, слева направо и справа налево. «У меня ведь тоже нет ни рук, ни ног, — подумал ББХБ, — может, и мне подадут на растишку от „Данон“»? Только где взять табличку с такой надписью? Тревожный вопрос уже почти занял всю оперативную память Колобка, как вдруг до его ушей донёсся отчаянный вопль уносимой куда-то Тумбочкой-убийцей непослушной девочки.

— Ничего, ничего Чип и Дейл спешат на помощь. Хотя, разве можно положиться на двух бурундуков из страны загнивающего капитализма?

Былое

Бродяга-ветер завывал на раздолье гнездиловского кладбища, поскрипывая деревянными крестами в пятничном сумраке. Единственной живой душой в этом месте ночных шабашей и точке лишенья девственности подвыпивших подростков была старая дворняга. Хвоста у неё не было, правый бок был ошпарен, левый глаз выбили дети, когда играли с ней в доктора, откликалась на кличку Везучая. Матерью Везучей была потомственная овчарка. Отца ей мать не назвала, потому что не имела дурной привычки спрашивать имени у первого встречного. Мать говорила Везучей, что она (Везучая) плод минутной слабости длящейся у неё всю жизнь. Вся жизнь Везучей была рекламой безопасного секса. Её последние хозяева Степан и Степанида выгнали бедную псину за её ночные завывания в духе Утёсова, навевающие оторопь и мысли о присутствии неподалёку Грипперса-Трипперса.

Нынешний хозяин — кладбищенский смотритель Фрол, был набожным духовным чадом, фанатеющим от Оззи Озборна и Мерлина Менсона. Он часто подкармливал косточками Везучую, наставлял её на путь истинный то и дело высказывая свою концептуальную оценку по поводу последней монографии протоирея Иоанна Мейендорфа, посвящённой варлаамитско-паламитской полемике и написанной в эпоху окормления им русской диаспоры в Париже, глядя на неё сквозь призму фундаментальных устоев православной церкви. Растроганная речами не сложившегося пророка Везучая ложилась у его ног, забывая в пленящей святости слов о бурлящем от невостребованности желудочном соке и коликах в кишечнике.

Ночь. Полнолуние. Пятница 13. Везучая плелась в сторону заброшенного хлебозавода № 13 имени XIII съезда КПСС, помня о предыдущем шабаше дятликовских ведьм-недоучек, когда они, выпив по три бутылки «на брата» местного хита сезона, вина «Весенний букет» и закусив одной ириской на двоих, решили принести Везучую в жертву своему всевышнему отцу, путём сожжения её на гранитном надгробном камне с надписью: «Любим. Помним. Скорбим». Везучая решила не повторять обидных ошибок прошлого, да и ошпаренный Никодимом бок под присмотром Катьки Евтуховой напоминал о досадной оплошности.

Желудок Везучей включил режим подсоса, кишки играли марш. Вдали раздался истошный крик, напоминающий высказывание новорожденным своего недовольства по поводу

отличия окружающей среды от пятизвёздочного отеля по системе всё включено и отсутствия кондиционера. В воздухе повис запах свежеиспечённого хлеба, с издёвкой уносимого прочь кладбищенским ветром. Везучая помчалась рысью навстречу возможному счастью.

Спустя мгновенье взору Везучей предстала кричащая неопознанная субстанция, неумело наполнявшая воздух нецензурной бранью. «Это Чужой», — осенило Везучую. «Лапы прочь от советской власти, иноземцы проклятые, — с горящими патриотизмом глазами прокричала Везучая, — ну, вот он враг и дело наше правое». В груди, щемя сердце патриотическим мотивом, торжественно играл гимн СССР. Вспоминая лихую молодость, как грудью на амбразуру не сложившаяся овчарка ринулась на мерзкого пришельца. Она с размаху вонзила во врага родины свои редкие гнилые зубы. Незнакомая молодая плоть легко поддалась, отражаясь во рту незнакомым ароматом ORBIT WINTER FRESH. Внезапно добыча зачерствела, но Везучая решила держаться насмерть. Однако, почуяв запах уксусной эссенции, она капитулировала и, скуля, рванулась прочь. Этот запах воскресил в памяти воспоминания о сексуальных домогательствах первого хозяина, пережитые в ранние годы жизни.

Везучая, заливаясь слезами от нахлынувших воспоминаний, неслась по ночной дороге.

Сзади показался Запорожец-кабриолет. Послышались знакомые голоса.

Везучая свернула в лес, укрываясь от погони, а может быть, просто уходя в партизаны.

Панк Федот

Директор хлебозавода № 13 имени XIII партсъезда КПСС был панком. В миру его звали Федотом Елистратовичем Лимоновым. Нигилистические и маргинальные наклонности проявились у него еще в раннем детстве, когда маленький Федот медитативно трогал руками какашки. При этом он не делал различия между собственными и инородными (зачастую — собачьими) фекалиями. Познание юного натуралиста не знало границ. Довольно быстро он научился ряду полезных вещей: правильно забивать косяки, бить гопников намотанными на кулаки цепями, ставить ирокез при помощи хозяйственного мыла. Около года он играл на бас-гитаре в местной панк-группе «Суждение олигофрена». Ребята давали концерты в районе и даже выпустили свой альбом — тиражом в пятьдесят экземпляров. Время шло, парень вырос и был вынужден поступить в институт. Оттуда его пять раз пробовали выгнать — с переменным успехом. Дважды он уходил в академический отпуск. И, наконец, получив диплом, распределился на родной хлебозавод, довольно быстро сделал карьеру. От мастера-пекаря до директора предприятия.

Но в душе он по-прежнему был панком Федотом, грязным последователем Кобэйна. Внешне респектабельный гражданин Лимонов управлял производственным процессом, договаривался с торговыми сетями о поставках хлебобулок, путешествовал по цехам, проверяя качество теста. Существовал также иной Федот — завсегдатай квартирных концертов, подвалов и помоек, носитель вонючих носков, шипованых «гриндерсов», кожаной куртки-косухи и прочих атрибутов нелегкой панковской культуры.

По воскресеньям Федот устраивал акции сожжения. Закупал в райцентре партию пиратской аудиопродукции попсового содержания и вдохновенно погружал в пламя справедливости. Действо разворачивалось во дворе директорского дома, отличалось зрелищностью и диким накалом страстей. Федот разводил на гранитных плитах костер и по очереди скармливал Красному Петуху признанные общественностью интеллектуальные шедевры «Руки вверх!», Алсу, Филиппа Киркорова и ДеЦла, Надежды Бабкиной и прочих миксеров-фасовщиков народного опиума. Подтягивались малочисленные, закаленные в уличных боях братья по разуму, приносили ненавистные кассеты и диски, приобщаясь к обряду очищения. Мир светлел, и жизнь становилась легче.

Постепенно к рациону Красного Петуха прибавлялись новые

ингредиенты: постеры, дешевые глянцевые журнальчики, афиши, сорванные с городских стен и заборов. Кто-то приносил водку, пиво, ганджу, круг посвященных расширялся, обряд посещали сатанисты, кислотники, порой заглядывали на огонек заезжие «свядомыя» барды, говорили о Белостоке и дерьмовой жизни.

Однажды среди собравшихся Федот приметил странного типа. Он был схож с умывальником невероятно древней конструкции, и если бы Федот читал в детстве сказки, а не баловался с какашками, то знал бы, что перед ним — Мойдодыр. Как занесло блюстителя чистоты в мерзкое панковское общество одному Будде известно, но он там был. Факт есть факт, как говаривал товарищ Берия. Федот не особо удивился внешности собеседника. Будучи под кайфом, он проникся идеей родства с изнанкой вселенной и осознал, что его вновь обретенный друг — гость из параллельного слоя реальности. А, осознав, ощутил непреодолимое желание подарить Мойдодыру старую пишущую машинку и тем самым предоставить ему уникальную возможность воздействовать на незрелые обывательские умы — посредством отпечатанных и распространенных листовок.

Осень сменяла весну, а лето иногда колосилось зимой.

Крестьяне сажали яровые, косили кукурузу.

На хлебозаводе зрели ростки чуждых форм жизни…

Федот испытывал острое, хроническое раздвоение личности. Директор Лимонов не подозревал о своем втором «я», панк Федот не догадывался о хлебобулочной ипостаси и никак не мог взять в толк, откуда берутся деньги на пиво. Лимонов чувствовал, что кроме него в доме живет еще некто. Этот некто занимал комнату на втором этаже, с отдельным входом и открытой летней террасой. Дверь, ведущая в лимоновский сектор, была надежно заколочена. Федот думал, что комнату он снимает, но за какие средства — вот вопрос. Панк не работал, принципиально бунтуя против системы. Хозяина он никогда не видел. Таинственные потусторонние силы, как уже говорилось выше, снабжали его презренным металлом, едой и информацией, содержащейся в виде записок на листках, выдранных из ежедневника. Похоже, владелец имения — человек серьезный, деловой, решил Федот.

Очередная записка гласила: «Заплатить за газ».

Федот не пользовался газом. В его комнате стояла электрическая плитка, на которой он грел воду для «роллтонов» и жарил яичницу на чугунной, замызганной кетчупом сковороде. Несмотря на это, предписания владельца требовалось соблюдать.

Он нехотя натянул драные черные джинсы с увесистой цепью на поясе, черную же байку со знаком анархии, недельной давности носки и любимые «гриндерсы». Пошел в банк и

заплатил по счетам (деньги, как всегда, лежали в тумбочке, которую Федот окрестил Вратами).

На обратном пути он приобрел с десяток попсовых дисков и один коробок спичек. К обряду следовало готовиться заранее.

Вечером следующего дня, помолившись Заратустре (молитва являлась, по сути, римейком «Отче наш»), Федот возжег погребальный огонь. К нему забрел растаман Джаджа, некогда медбрат Олег, подкинул в пламя кассету «Союз-24» с «лучшими и новыми хитами», протянул Федоту косяк:

— Воскурим, брат.

— Воскурим.

Джаджа носил традиционные дредды и цветастую вязаную шапочку, бриджи, выгоревшие на солнце (некогда зеленые) и майку с портретом команданте.

— Вавилон наступает, — задумчиво молвил раста.

— Как всегда.

— Нет, — Джаджа помотал головой. — Не как всегда. Зло грядет, оно хочет захлестнуть нас. Вавилон шлет своих псов.

Федот затянулся.

— Ты слышал о собирателях душ?

Вопрос озадачил панка.

— Никогда.

— Нежить. Порождения тьмы. Они собирают, жнут слабые души и складывают в древний священный сосуд. Глиняный, как правило, с печатью Тота. Когда сосуд наполнится, а вмещает он шестьсот шестьдесят шесть душ — распахнутся врата в Вавилон.

— И…что? — Федот затаил дыхание.

— Мир напитается злом.

Федот почесал небритую щеку.

— Ты смотрел когда-нибудь…сериал?

— Что? — Не догнал Федот.

— Сериал. Высшее проявление попсового зла, конгломерат тупой масс-культуры. Главное и самое убойное оружие Вавилона.

— Ах, вот ты о чем…

— Верно. Молодец, что догадался. Теперь представь, что все люди живут по мыльным законам. Словно ты на съемочной площадке в Бразилии. И нет спасения, лишь горстка избранных способна узреть кошмар.

Федот представил. И ужаснулся.

— Что нам делать, Джаджа?

Раста вытянул руку.

— Кто-то собирает души, Федот. Здесь, рядом с нами. Струится негативная энергия. Грядет день…

— Что делать? — Отчаянно воззвал Федот.

— Вначале добьем, — Джаджа выпустил облачко дыма. — Затем решим. Натура твоя двойственна, Федот, но ты движешься в правильном направлении.

Краеведение

В середине тринадцатого столетия славянские земли охватила волна междоусобиц. Летом 1242 года князь Владимир Отмороженный набрал дружину и покинул N, больше его никто не видел. В летописях, найденных историками в монастыре блаженного Кондрата Чумотворца, этот факт служит первым упоминанием о райцентре. Далее летописи надолго замолкают, до самой осени 1313-го, когда подробно описан случай проклятия некоторой местности. Доподлинно известно, что ныне здесь стоит и безуспешно функционирует хлебозавод. Но так было не всегда. До революции тут находилась мануфактура, производящая шерстяные носки; с 1756 по 1813 годы — скотный двор помещика Дрючкина; а в 1313-м — публичный дом, именуемый в народе «греховное строение» (тут возникают сложности перевода на современный язык словосочетания «блудна хата»). Дождливой осенью мимо тех мест проходил кудесник Мудрила Жмуровский, о котором сказано, что он чернокнижнижник, умеет гнать самогон из древесных стружек, и занимается «моровым ложескотством», некой извращенной разновидностью зоофилии. N-ское же заведение славилось разнообразием предоставляемых услуг, как не без удовольствия отмечает летописец. Мудрила, естественно, решил заглянуть на огонек, где, согласно первоисточнику, потребовал мертвую козу. Оную ему предоставили, но умертвлять отказались. Тогда злой кудесник, видимо, в назидание, попросил книгу жалоб. Далее расследование уводит нас в городской архив, где хранится упомянутый документ — берестяная грамота с нарисованным кровью детородным органом — проклятием сих мест. Стереть его невозможно, равно как и уничтожить саму бересту. По легенде снять заклятие может лишь…Дальше документ (церковная хроника N-ской епархии) заляпан кетчупом. Известно, что «блудна хата» вскоре была сожжена старообрядцами, на скотном дворе помещика Дрючкина часто дохли свиньи, а мануфактуру в восемнадцатом году разнесли из крупнокалиберных пушек белогвардейцы, выбивая с укрепленных позиций комиссара Мудакова, прадеда Зоси, чья фамилия изменена в лучшую сторону. Что касается хлебозавода, то он пока держался, глобальных бедствий на его территории не происходило…

Кладбищенский сторож Фрол в свободное от ночных дел время серьезно занимался краеведческой деятельностью. Его заинтересовала личность Мудрилы Жмуровского, он проследил родословную этого героического персонажа и пришел к выводу,

что является его потомком. Вот оно — подтверждение его теории о врожденной склонности к некромантии…

Немалый интерес представляет также история переименования местного колхоза, который в доперестроечные времена назывался «Левой ногой вождя». Бывший председатель колхоза, невинноубиенный Захар, проявил неожиданный интерес к исследованиям Фрола. Историческая правда попрана, понял Захар. Вот он, документально зафиксированный исконный символ его малой родины, мужское начало «инь», загнутый волосатый лингам.

Довольный председатель покинул кладбище и отрубившегося от обилия выпитого Фрола, чтобы заняться оформлением документов. Тут ему пришлось столкнуться с определенными трудностями. Начальство Захар обманул, сказав, что лингам — это первобытный дух мудрости, чье капище якобы обнаружено в окрестностях Полуночного Гнездилова. Наши предки испокон веков поклонялись лингаму, увещевал Захар секретаря райкома, приносили ему жертвы, мастерили обереги-лингамы — еще в дохристианскую эпоху…

Секретарь нехотя согласился на переименование — отчасти, чтобы выйти из запоя, в который его втянул Захар по случаю дебатов.

Отправленная год спустя археологическая экспедиция не только ничего не откопала, но даже не вернулась, сгинув в окрестностях хлебозавода. Следствие за отсутствием улик быстро закрыли.

Клубное движение

Субботний вечер в деревне Полуночное Гнездилово обычно начинался со злоупотреблений.

Степан пинком распахнул дверь бара «Грустные ягодички» и хозяйским взглядом осмотрел помещение. Несколько посетителей уныло поглощали ядерные жидкости, намешанные в Адском блендере. Посреди зала стоял бильярдный стол, вокруг коего расхаживали снаряженные киями Дормидонт и Евхим. Поскольку на столе вместо шаров были разложены закуска и выпивка, Степан решительно отказывался понимать смысл происходящего. Дормидонт, лаборант с фермы, был плюгавым приземистым старичком, отменно разбирающимся в доильных аппаратах. В свободное время он сочинял поэмы, и вроде бы где-то публиковался…Евхим, напротив, был высок и широкоплеч, никогда не брился, ходил в ушанке и валенках (даже летом), за пазухой держал камень, а изо рта у него воняло луком. Часто сельчане видели Евхима с бензопилой «Дружба» режущим дрова очередной немощной старушке, ибо Евхим — потомственный лесник, а лесники пьют много, а получают не очень. С Дормидонтом его связывали давние дружеские отношения.

Обогнув стол, Степан направился к барной стойке. Сегодня работал Чанга — афроамериканец, невесть как заброшенный в Гнездилово. Степан подозревал, что Чанга шпион, но доказать этого не мог.

— Эй, ниггер! — Вежливо обратился Степан к шпиону. — В рот тебя и в ухо!

— Тебя также, — добродушно отозвался Чанга. — Мать твою, снежок.

— Имел я твою мамочку.

— А я тебя.

Традиционное приветствие.

— Как обычно? — Спросил Чанга.

— Да. Сэм с содовой. И не смешивай.

— Как скажешь.

В руках бармена замелькали стаканы. К стойке нетвердой походкой приблизился председатель колхоза «Лингам Ильича», сын покойного Захара Захар.

— Здорово, Захар. Как удои?

— Нормально. — Захар устало прислонился к стойке. — Процесс доения организован по европейскому стандарту, а это главное. Скоро уборочная, Степан.

— Жито ядреное.

— Колхоз на тебя рассчитывает. Убрать зерно — стратегическая государственная задача.

— Конечно, Захар.

— Смотри мне.

— Угу.

— То-то.

Председатель щелкнул пальцами, и бармен подал ему кружку пива. Высокие думы одолевали государственного мужа. О плане по мясу, об инновационных методах выращивания брюквы, о покосах и электродоильных аппаратах…С неприязнью он покосился на пьяного Дормидонта, чья смена начиналась завтра в шесть утра.

— Говорят, с кукурузой неладно, — нарушил молчание Степан. Просто так, из вредности, чтобы нарушить молчание.

— А что? — насторожился председатель.

— Люди пропадают в кукурузе.

— Это там, где хлебозавод?

— Там.

— Проклятие. — Захар глубокомысленно хлебнул пива. — Места те прокляты, всякий знает.

— Мужики, — встрял Чанга. — слышали про движущийся умывальник?

— Чего? — Не догнал Степан.

— Люди видели, как от Лимонова выходил умывальник с печатной машинкой.

— Умывальник умывальником, — буркнул Захар. — А Панкрат с Зоськой как поехали в город, так и нет их.

— Как нет? — Удивился Степан. На доярку Мудакову у него были сегодня определенные планы.

— А вот так, — отрезал Захар.

Двери бара распахнулись, впуская Степаниду. Просканировав пространство и безошибочно выбрав верное направление, она двинулась к барной стойке.

— Степан!

Случайно подвернувшийся Дормидонт получил буфером по носу. Где-то в глубине зала, в синем тумане, мелькнула фигура в кожаной куртке и с ирокезом на голове…

Ни слова не говоря, Степан мощным левым хуком отправил жену в нокаут. Степанида рухнула на доски.

— Слонопотам херов, — сказал механизатор, дуя на костяшки пальцев. — Еще сэма.

Бармен поспешно выполнил заказ.

Из толпы вынырнул дилер, осенезатор Григорий. Предложил Степану пачку «Беломора». Механизатор расплатился и закурил.

За стеной грохотала музыка, Верка Сердючка пела про горилку.

Оживали танцполы.

Вечная любовь

Фрол представлял собой своеобразный тип аристократии. Он был потомственным некрофилом (в седьмом колене). Каждую пятницу 13 он выкапывал из могилы свою безответную любовь, доярку Люсю из колхоза «Лингам Ильича» (Люся трагически погибла во время очередной битвы за урожай: её переехало комбайном, когда она мастурбировала во ржи). Используя древнее искусство некромантии, полученное в наследство от героических предков, Фрол реставрировал Люсю, собирая её из имеющихся в наличии останков. После в тусклом свете луны он приступал к трепетному соитию. Но годы шли, и былая краса тленного тела всё больше погружалась в небытие. Недавняя любовь, обжигавшая разбитое сердце постепенно угасала, но постоянный зов плоти закрывал глаза на все люсины «недостатки». Любовь тлела. Фрол уже почти отчаялся найти себе новую музу для своих ночных серенад, ту самую, по которой он будет сохнуть до следующей пятницы 13.

Была середина недели. Ближе к полудню под моросящим дождём к скромной обители Фрола приблизилась похоронная процессия. Скорбящие, в лице трёх человек (не считая тех, кто нёс гроб) с ярким маргинальным прошлым, трудным настоящим и плачевным будущим то и дело слёзно, хотя и слегка наигранно выкрикивали: «Люся, да на кого ж ты меня? Люся, да на кого ж ты нас?».

Фрол воспрял духом, услышав столь родное его хрупкому сердцу девичье имя. Подойдя к людям в фальшивом трауре, Фрол разузнал о рабе Божьей, безвременно покинувшей сей неказистый мир.

Усопшей оказалась посудомойка Люся из придорожной закусочной «Гурман», зверски утопленная каким-то маньяком в чане с FAIRY.

— Тёзка — это знамение, — сверкая адскими огоньками в глазах, подумал Фрол. — Скорее бы пятница.

Пятница 13. Фрол в предвкушении очередной оргии откапывал свою новую пассию. Возбуждение ласкающими душу потоками растекалось по всему телу. Трясущимися от нетерпения руками он извлёк «свежее» тело. Неминуемый коитус слил воедино организмы в ночной тишине. Фрол искусно, со знанием дела отточенными, виртуозными движениями проходил одну за одной позы из Кама Сутры. Едва Фрол со своей партнёршей по ночному безобразию достигли его любимой позиции «крылья бабочки», как мощный десятый оргазм страстной волной накатил

на него. На пике сладострастия на Фрола снизошло откровение. Он увидел пророческое видение, озаряемое лучезарным светом: Грипперс-Трипперс, 666, синий будильник, финальные титры из какого-то бразильского сериала.

Фрол решил докопаться до глубинного смысла послания свыше. Он запланировал посетить закусочную «Гурман». Ключ к разгадке, скорее всего, будет рядом.

Закончив мысли о священном Граале и своём предназначении, Фрол решил вернуть распутницу Люсю, ублажённую плотскими утехами до глубины души, в её нереспектабельное пристанище.

Виднело. Всё шло своим чередом. Прозаический пейзаж субботнего кладбища внешне практически не отличался от вчерашнего, лишь свежеперекопанная земля на могиле Люси напоминала о ночном беспределе.

Лаем голодного щенка взрывала утреннюю тишину Везучая.

Фрол отправился в райцентр за горькой правдой.

Начиналось соискание ответов на многие риторические вопросы.

Бригадир

Познав горькую правду жизни и почти заглянув в глаза смерти, начинающий поэт ББХБ продолжал своё обучение, просматривая один за другим последние хиты российского кинорынка: «Антикиллер», «Бумер», «Бригада».

Юный криминальный гений, восходящая звезда беспредела ББХБ быстро вошёл в роль Саши Белого. Хотя с покупкой кожаного плаща Колобок решил повременить потому, что он никак не ассоциировался с его имиджем.

Воспитанный улицей харизматический лидер быстро сколотил костяк банды своих единомышленников.

Очень скоро банда ББХБ начала контролировать основные точки райцентра и все прилегающие деревни. Криминагенность обстановки возрастала. Милицейские сводки пестрили упоминаниями о молодой и быстро развивающейся банде и её лидере.

Из милицейского отчёта:

Колобок, он же ББХБ, он же Круглый. Обладает незаурядными тактическими и стратегическими навыками, имеет ярко выраженную установку лидера. Мыслит нестандартно, действует чётко, со знанием дела. Характер стойкий, нордический, истинный ариец. В связях порочащих его достоинство замечен не был. Чрезвычайно авторитетен. Особо опасен. Особые приметы: рост намного ниже среднего, телосложение специфическое, по форме напоминающее футбольный мяч.

Офисом банды Круглого был ночной стриптиз-бар «Грустные ягодички», работающий под девизом: «Лучшие дойки и всё для попойки».

Заслышав про размах банды мучного деревенщины, областные авторитеты, в дальнейшем Б. и П. (имена в интересах следствия не оглашаются) решили пробить Who есть кто. Стрелку забили на 6 часов в субботу на местном кладбище — место спокойное и, если что, далеко ехать не надо.

Б. и П. приехали на 600-м «мерине», заметно контрастирующем с окружающей действительностью, позади них подкатил новый «бумер».

ББХБ подвёз Панкрат на произведении своих очумелых ручек.

В назначенный срок все были на месте. Начали тянуть базар.

Вы, черти гнездиловские, в натуре оборзели, — брызгая в сердцах по сторонам слюной начал Б. — кто дань платить будет?

Давай капусту отслюнивай, это наша территория.

Априори, брат. Вопиющая наглость. — Уверенно держа базар, сказал Колобок.

Чё за априори? Где тебя учили такой фене, колхозан постсоветский? — наехал П.

Да, права статистика, что отмороженных в сто раз больше, чем ошпаренных. Поэтому меня и не удивляет ваша неспособность к интеграции тенденций парадоксальных эмоций от моих лексических новаций. Вам бы только пяткой бить в грудь и воротить телегу. — Констатировал ББХБ.

— Чё ты гонишь? Бабки давай!

После получасового разглагольствования базар иссяк. Опущенные ниже плинтуса своей несостоятельностью и раздавленные харизмой Круглого Б. и П. узрели в ББХБ зачатки будущего крупного авторитета и выделили ему 10 штук грина подъёмных и новенький «бумер» семёрку, Nokia SX1 для поддержания связи.

ББХБ назначил Панкрата своим водилой.

Через час они уже неслись по райцентру N к «Гурману» сливать кэш. Праздник удался и был ознаменован биением лиц и посуды на счастье.

Колобок вернулся в офис на подаренной тачке и на радостях приказал угостить за его счёт всех посетителей сэмом. Идея была принята на ура.

Воскресным утром в состоянии критического похмелья Круглый решал, куда вложить оставшееся лаве: укрепить банду или пожить красиво? Но в мыслях постоянно всплывала навязчивая идея подарить всё старым слепым морским свинкам. От столь сложной дилеммы трещала голова, а руки мысленно тянулись к стакану. Колобок пил ещё неделю, пока двери в офис не открылись, и на пороге не появился Мойдодыр.

Чудо техники

Захар не находил себе места — во ржи нашли остатки доярки Люси (её опознали по крашенным волосам на лобке), судя по всему, перееханной комбайном, а само оружие преступления пропало, и это в самый разгар битвы за урожай. Это был комбайн Василия, местного плейбоя.

Этот инцидент был самым чёрным пятном в свете последних событий: пропали в районе поля с кукурузой передовики колхоза и археологическая экспедиция, но речь сейчас не о ней.

Василий не раз был отмечен доской почёта за старания наполнить закрома родины. Свой комбайн он ласково называл «Малютка» и во всём обращался с ним как с женщиной. Малютка отвечала взаимностью, пробегая намеченные Госпланом гектары.

Страшными слухами о расчленёнке заинтересовались следователи области. Вскоре они были на месте и рассматривали «эксклюзивный фарш». Все подозрения падали на Василия — у него уже был срок условно (купался в фонтане на День десантника, а после мочился на двери военкомата в райцентре N). Тем более у него, как говорили односельчане, был мотив: он часто соблазнял Люсю сделать то, чем ему, как комбайнёру, приходиться заниматься зимой — (пояснение вырезано цензурой). Но Люся, высоко задрав нос, говорила: «Хм», — и брезгливо отворачивалась.

К полудню, приехавшие с утра следователи уже кололи дырки в погонах для новых звёздочек, обмывая своё гипотетическое повышение в гнездиловском баре. Чтобы обстоятельства дела выглядели более убедительно, следователи за литр сэма нашли двух свидетелей, которые видели всё своими глазами.

Хорошо отметив будущие погоны, следаки решили, что дело с расчленёнкой выглядит серовато на фоне областных криминальных шедевров. Поэтому решили сделать из Василия серийного психоделического убийцу, повесив на него пропавших передовиков, археологическую экспедицию и расписывание стен клуба нецензурными словами в состоянии сильного алкогольного и наркотического опьянения. По сему, выпили ещё литр сивухи с теми же свидетелями и убедили их в том, что они «на самом деле» видели.

За день до этого:

Василий после отмеченного в местном баре дня рождения никак не мог оправиться от похмелья. Голова выдавала лишь:

Ну, где ж волшебный эликсир —
Рассол или хотя б кефир?

Ответа Василий не знал и поэтому, запив отрытый где-то анальгин остатками сэма, завалился среди ржи на боковую.

В тишину, нарушаемую только храпом Василия, проникли чьи-то шаги — это доярка Люся шла очередной раз расслабиться на лоне природы (помастурбировать во ржи). «Даже лёгкий онанизм укрепляет организм», — думала Люся.

Завидев Люсю, Малютка тихо, но ревностно шмыгнула двигателем, процедив как сквозь зубы: «Конкурентка».

Люся устроилась поудобнее на своём привычном месте и предалась рукоблудству.

Малютка подкралась незаметно как (сравнение вырезано цензурой), хотя видна была издалека.

После Дормидонт по этому поводу написал очередной лирический шедевр, который записали в качестве эпитафии на надгробном камне Люси:

Доярка Люся лежала во ржи
Комбайн «Малютка» стоял на межи.
Тихо завёлся и тихо пошёл,
Кто-то в хлебе груди Люси нашёл.

Через неделю дело полностью раскрыли, а Василия наоборот закрыли на 15 лет.

Смерть в песочнице

Пятилетняя Маша любила ковыряться в куче желтого, местами подмоченного котами песка, ограниченного прогнившими деревянными бортиками. Песочница размещалась во дворе между домом № 130 по улице Зои Космодемьянской и старой двухэтажной лачугой, окна коей местами были заколочены, а местами отсутствовали. Двенадцатиуровневый монолит из красного кирпича (там жила Маша) высился чуть в стороне, сразу за сто тридцатым. Он, безусловно, доминировал над окружающей местностью, чем Маша и гордилась.

В тот злополучный вечер она по обыкновению лепила куличики из песка, руководствуясь своей убогой фантазией и пользуясь синим ведерком без ручки. Ничто не предвещало беды.

— Здравствуй, девочка.

Маша не сразу разглядела в сгущающихся сумерках свою собеседницу. Это была тумбочка, двойник тех, что стояли у них в садике. Поэтому Маша расслабилась — разговаривать с чужими тумбочками ей не запрещали.

— Здравствуйте.

— А что ты здесь делаешь?

Рта у тумбочки не было, и Маша никак не могла понять чем та разговаривает.

— Куличики леплю.

— А мама тебе до скольких гулять разрешила?

— До девяти.

— Сейчас пять минут десятого. Непослушный ребенок. — Тумбочка угрожающе надвинулась.

Маша закричала.

Олег вылил в себя содержимое стакана и занюхал волосами Никифора. В мыслях он пробовал восстановить цепь событий, приведших его в эту комнату. Все началось неделю назад, ночью, когда он затаскивал пьяного Славу Скугарева в окно третьего этажа Общежития по улице Ветеранов. Доблестного рыцаря ждала его девушка, не просто ждала, она искренне волновалась за судьбу героя. Слава цеплялся за кишку пожарного шланга, Олег и Никифор тащили его наверх. Неожиданно руки Скугарева разжались, и студент отправился в свободное падение, впрочем, прерванное поверхностью земли. Все, кто находился в комнате, подбежали к окну. Никифор схватился за голову: «Человека убили». Безжизненное тело Скугарева пребывало в покое несколько минут, затем встало и пошло, держа курс к автобусной

остановке. Цели и задачи тела остались непостижимы…Спустя неделю выселенный из общаги Скугарев объявился вновь. На сей раз он попытался проникнуть в цитадель через зарешеченное окно мужского туалета на первом этаже. Ситуация осложнялась тем, что правая нога святотатца была загипсована. Тайное окно открывали, как всегда, Никифор и Олег. Несмотря на строгую конспирацию, проникновение обнаружила вахтерша Феликсовна, вознамерившаяся отнять у злодея костыль. Скугарев стал обороняться и в ходе неравной битвы дважды огрел Феликсовну упомянутым костылем по голове. Потеряв ориентацию, вахтерша покинула туалет и вызвала милицию. Скугарева скрутили и увезли, его соратники чудом спаслись. Некоторое время их искали, затем попросту выселили, пополнив ряды бездомных.

И вот Олег сидит здесь, пьет водку, ждет отчисления и вырабатывает планы тайного возвращения в лоно интерната.

На улице раздался крик.

— Кричат, — сказал Никифор.

— Дети, — добавил Олег.

Они спустились по скрипучей лестнице, рискуя переломать ноги, и выбежали из подъезда.

Крик повторился. Истошный вопль первобытного ужаса.

— Во дворе. — Понял Олег.

Студенты обогнули полумертвое здание бывшей швейной фабрики и оказались на детской площадке. В песочнице что-то хлюпало и хрустело, надвинувшаяся тьма не позволяла рассмотреть, что именно. Никифор попятился. Влажное чавканье прекратилось, студенты ощутили движение. Вынырнувшая из тучи луна осветила окровавленную тумбочку с выдвинутой шуфлядкой.

— Ко мне, — приказала тумбочка.

— Это она! — хрипло шепнул Никифор.

Луна исчезла.

— Непослушные, — ласково молвила тумбочка.

— Бежим! — Заорал Олег.

Но было уже поздно.

Встреча

Воскресенье. К гнездиловской ночной Мекке шёл необычный посетитель, неумело маскирующийся в тени редких деревьев под обычного прохожего. Но этому мешал его огромный кривой нос и хромающая походка. По этой причине малочисленные уличные прохожие с «горящими с утра трубами», шарахались в стороны, принимая его за лицо кавказской национальности.

Некто неспешно отварил дверь пункта своего назначения. Его взору представилась картина: среди груды пустых бутылок лежала странная булка хлеба. «Чем только не закусывают в этой дыре», — подумал хромой. Неожиданно «закуска» повернулась и нечленораздельно прокричала: «Бутылку горелки и два огурца».

— Эй, полубатон, где хозяин? — поинтересовался «кавказец».

— А ты, собственно, чьих будешь, финская сантехника?

— Все мы дети Иеговы, уважаемый.

До смутного, пропитанного алкоголем мозга ББХБ стали доходить некие странные мысли и ассоциации. Где-то он уже видел этого кривоносого и хромого, но вышел он не из маминой спальни, и это настораживало. Вдруг он вспомнил кричащую надпись «Внимание. Розыск!».

— Мойдодыр?

— Круглый?

Дальше следует сцена банального братания, сопровождающаяся пафосом и помпезностью бросания понтов по поводу своих достижений в карьере и личной жизни.

— Ты, поди, тут уже неделю не просыхаешь, — констатировал Мойдодыр. — А на твоей территории орудуют братки из Питера или Москвы.

— Кто? Порву! Пущу на полуфабрикаты.

— Чё, не слышал про местный Бермудский треугольник в зарослях кукурузы у хлебозавода? Там уже с десяток людей пропало. Что-то, конечно, свалили на Ваську-комбайнёра, но люди поговаривают, что следаки местные — яркие представители отряда фуфломётов.

Поговаривают, что это психоделический маньяк по прозвищу Портной. Он убивает своих жертв, ради определённых частей их тела, которые являются, на его взгляд, идеальными. После он собирается произвести на свет идеального человека, собранного из 666-ти частей, который будет мессией зла, посланником Вавилона.

— Ну, и долго нам ждать второго пришествия Франкенштейна?

— Не знаю. Кроме того, оживить посланца можно лишь на местном поле в зарослях кукурузы на пятницу 13-е, в полнолуние под безбашенный mix темы Paradox группы 666 и бессмертного хита Утёсова: «Сердце, тебе не хочется покоя…». Кстати, по данным из неформальных источников имеется приблизительный фоторобот, собранный на основании данных о пропавших частях тела. И уж больно этот робот смахивает на Киркорова.

Далее следует некий бессмысленный диалог с редкими проблесками здравого смысла. Передать всю познавательную сущность дальнейшей беседы не представляется возможным, да и в лом как-то набирать ночью всякий бред.

Операция «Хрусталь» (период демонического становления)

С малых лет Грипперс-Трипперс был ярым поклонником группы 666. За свою скромную жизнь он скопил немало постеров и фотографий кумиров.

Часто, коротая вечер на лавочке в компании соседских старушек, сетующих на малый размер пенсии, он вспоминал свой день рождения на который ему подарили первый альбом трёх шестёрок. И в радужных воспоминаниях он забывал о том, что ему нужно собрать ещё 666 бутылок из-под пива, чтобы попасть на концерт любимой группы. По грипперс-трипперсным меркам ему было давно уже за шестьдесят, но пенсии он не получал потому, что все документы были утеряны, при эвакуации после чернобыльской катастрофы. Каждый раз, когда он вспоминал это, по щеке у него скатывалась скупая мужская слеза: в памяти всплывал отчий дом с живописнейшим видом на четвёртый энергоблок.

Каждый вечер не сложившийся пенсионер отправлялся в «рыбное место» — бар «Грустные ягодички», где тусовалась вся местная «продвинутая» молодёжь. Здесь не существовало суровых законов райцентра: «золотое дно» не было разбито на сектора между враждующими за посуду пенсионерками. Здесь он был своеобразным монополистом. Промчавшись по злачным местам, Грипперс-Трипперс сколачивал необходимую сумму, чтобы, купив за полторашку сивухи канистру соляры у комбайнёра Васи, обрести свободу, несясь со скоростью 200 км/ч по встречной на своём чуде техники с заранее нарисованными чёрными крестами.

Очередной «крестовый поход» ничем не отличался от предыдущих: чернобылец подкатил к точке на своём средстве передвижения. «Вау, чувак, ну, ты себе и пулю замостырил», — сказал местный подросток, уставившись стеклянными глазами на пикантную тачку. Трипперс что-то буркнул в ответ и поплёлся как обычно на поиски стеклянных сосудов. Вдруг его взору предстала ужасающая всю его нечеловеческую сущность картина: еле держащийся на ватных ногах пацан, покативший сегодня не первый пузырь, выпустил из рук недопитую бутылку пива. Заветная цель со скоростью свободного падения устремилась на редкий сельский асфальт. Warning! — запоздало сработали постаревшие рецепторы, побуждая организм к действию

посредством приобретенного рефлекса. Герой фильмов ужасов рванулся на спасение хрусталя. Вдруг в сердце что-то ёкнуло, в глазах потемнело, и он подстреленной птицей рухнул наземь. Грипперс-Трипперс потянулся из последних сил в карман за валидолом. Силы покидали тело. Едва шевелящимися губами он произнёс, обращаясь к кому-то из прохожих: «Если ты меня слышишь…». Обдолбанному чуваку, наблюдавшему за преждевременным закатом жизни «радиоактивной дичи» показалось: «Едет крыша». «Эка тебя заземлило братан. Первый раз вижу такую ломку, — пробормотал некто, — на, потяни — полегчает». Некто протянул сердечнику бутылку с какой-то странно пахнущей микстурой. Пострадавший нехотя пригубил.

Местным хитом этого лета был новый синтетический наркотик «Съехавшая крыша» — продукт высоких технологий, экстази и ЛСД в одном флаконе.

Грипперс-Трипперс пришёл в себя. На фоне гор трупов и винегрета кишок бросалась в глаза стена с кровавой надписью: «Рэп — кал, Жыве Папса!»

Аксиомы, постулаты

Лучики рассвета забегали по комнате, проникая сквозь запотевшие окна в скромную обитель директора Лимонова. Он нехотя открыл глаза, натравливая свой испепеляющий взгляд, доносящий обрывки информации до остатков мозга, на приевшуюся окружающую действительность. Хронически заложенный нос директора уловил некий странный, но до боли знакомый аромат. Взгляд Лимонова забегал по комнате в поисках источника «благовония».

Пытливый взор пробежал по полу и начал медленно скользить по стене, лаская обои. И тут очам Лимонова предстал если не образец наскальной живописи древности, уходящий корнями в каменный век, то яркий пример полёта авторской мысли, невесть как нашедший пристанище на пожелтевших обоях: некий текст математического содержания был фекалиями написан на стене.

Маленький домовёнок Кузя, поселившийся у периодического маргинала, был ярым поклонником сериалов. Он не пропускал ни одну серию и знал наизусть весь сценарий «Богатые тоже плачут». Но окружающая действительность всё больше давила на него, отличаясь от яркого карнавала, надменно кричащего с голубого экрана. Кузя всё больше уходил в себя, постепенно замыкаясь. Последней его отрадой был полиэтиленовый пакет, наполненный клеем «Момент». После нескольких месяцев «моментальной терапии» Кузя стал откликаться только на Марисабель, покрасил волосы зелёнкой и, основываясь на постулатах Бора и аксиомах, справедливых в отдельно взятом евклидовом пространстве, занялся соисканием нобелевской премии. Казалось, что такой маленький домовёнок не должен был и подозревать о флуктуации пространства, ведущей в отдельных случаях к пересечению параллельных прямых, и о том, что при бесконечно большом радиусе окружности её радиус кривизны равен радиусу кривизны прямой. Но, тем не менее, исходя из этих начальных условий, Кузя пришёл к выводу, что дважды два будет не четыре, а три целых девятьсот девяносто семь тысячных плюс три корня из мнимой единицы, что незамедлительно законспектировал собственными экскрементами на стене, прилагая весь свой тернистый математический путь к заветной премии. Более того, путём аппроксимации опытных данных, которые он собирал всю жизнь и, привлекая методы математической статистики и теорию вероятности, он смог рассчитать дату когда вся материя придёт в

исходное состояние, то есть весь мир стянется в точку с бесконечно большой плотностью, в сингулярность, предшествующую Большому взрыву (Если ты, баклан, не догадался о чём идёт речь, то он рассчитал дату Апокалипсиса).

Крылья ужаса

Панкрат вставил шланг куда следует, и двинулся к зданию, над которым красовалась вывеска «КАФЕ». Зося уже ждала его там, заказав еду. Бак «Запорожца» был полон, но Панкрат не испытывал облегчения. Нечто нездоровое происходило у него в штанах, и мысли колхозника крутились вокруг венерической темы. Его мучил вопрос: от кого? Степанида отпадает, с ней он давно ничем не занимался…

Зося разговаривала с каким-то придурком, явным любителем помойки, воняло от него соответственно. Они сидели за столом и пили бодрило. Бодрило имело этикетку с замысловатой надписью «Осенняя радость». Панкрат хотел возмутиться, но передумал. Вместо этого он придвинул третий стул и осчастливил собеседников своей компанией.

— …Держитесь от него подальше, — советовал старик. — Он не человек, демон. Гripперсом-Трипперсом кличут. Помнишь фильм такой старый, «Веселые ребята»? Там Утесов пел эту песню.

Старик закатил глаза в приступе ностальгии. И запел противным голоском, смахивающим на скрежет советского будильника эпохи Сталина:

— Сердце, тебе не хочется покоя…

— Вы про того отморозка с шоссе? — догадался Панкрат.

— Он собирает души тысячи лет, — вещал помойник. — Когда он появляется, играет эта песня. Запомните ее и бегите, когда услышите.

— Эй, дед. Шел бы ты отсюда.

Помойник перевел взгляд на механизатора.

— Он придет за тобой. Высосет твой мозг.

— Что? — Панкрат нахмурился.

— Все, иду, — заторопился дед. — У меня деловая встреча с японскими инвесторами. Счастливо оставаться.

И он ретировался к выходу.

Панкрат посмотрел на Зосю. Выглядела доярка неважно. Из носа текли сопли, тело содрогалось в спазмах то ли ужаса, то ли лихорадки. Странный отходняк, Панкрат такого раньше не видел.

— Заболела?

— Угу.

Панкрат брезгливо скривился.

— Возьми салфетку. — Он протянул руку к недопитой бутылке и тут понял, что хочет в туалет. — Я сейчас. Закажи поесть чего-нибудь.

Поразмыслив, он прихватил бодрило с собой.

Зося воспринимала реальность в искаженном виде. До нее не сразу дошло, что Панкрат удалился. В последнее время он часто исчезал без предупреждения, участвовал в разборках местного авторитета Круглого и говорил, что уволится из колхоза, типа, «ложил» на долбаную посевную. Нехорошо. Мужик должен любить зерно.

Зося попросила салат из огурцов и борщ. Борщ, чтобы есть, салат, чтобы закусывать. А что закусывать? Не колеблясь ни секунды, она выбрала две бутылки «Осенней радости». Сопли струились по шее, но Зося их игнорировала. Недоброе предчувствие закрадывалось внутрь.

Меж тем Панкрат стоял в туалете, думая о дзен. Крышка бачка распахнулась, и перед доблестным механизатором возник Гripперс-Трипперс.

— Я возьму твою душу, — сказал он.

— Не сейчас, — отмахнулся Панкрат, сверля взглядом непослушного друга. — Позволь отлить сперва.

К видениям Панкрат привык. В разное время суток ему являлись покойный председатель, мужик с долларовой купюры, Филипп Киркоров и даже колобок. Поэтому окружающее в понимании Панкрата было ни чем иным, как матрицей, а чернило — той самой таблеткой, позволяющей узреть изнанку мира. Однако, Гripперс-Трипперс мешал сосредоточиться, врубался в эфир неформатной физиономией дешевого демона из паноптикального эквилибриума.

— Аз говорю тебе: иди, — выдал Панкрат.

Садистски улыбнувшись, Гripперс-Трипперс открутил ему голову и начал есть мозги.

— Не ешь, — послышался голос прекрасного далека. — Козленочком станешь.

Гripперс-Трипперс привык к слуховым галлюцинациям. Жертвы часто взывали к его совести и требовали открыть сосуд. Нет, его не разжалобить. Доев мозг механизатора, демон расправил крылья и вылетел в окно…

Зося Мудакова вспоминала мать, когда перед ней возник урод. Возможно, «Осенняя радость» обладает антирелаксационным эффектом, решила Зося, доедая очередную соплю.

— Конец близок, — сказал урод. И положил на стол распухший лингам Панкрата. Зося сблевала в стакан. — Молись.

— Не умею, — пожаловалась Зося. — А ты кто?

— Альфа и омега.

— Где Панкрат?

— Нигде, — Грипперс-Трипперс протянул руку и вытащил зосин глаз.

Синий будильник

Тумбочка-убийца имела одну маленькую слабость. Она держала внутри себя домашнее животное. Это был старый синий будильник, немногословный и сдержанный в эмоциях. Она подкармливала нежное существо углем, древесными опилками и мочками ушей. И вот однажды животное сбежало. Тумбочка не могла сказать наверняка, когда это случилось и почему. Вероятно, будильник заболел, или его кто-то украл (впрочем, последнее казалось сомнительным). Факты упрямы: нутро тумбочки осиротело.

Тем временем Синий будильник путешествовал по грязным улицам города N. Неодолимая сила влекла его в окрестности хлебозавода. Он даже не отдавал себе в этом отчета, покоряясь коллективному бессознательному. Порой он садился в автобусы, притворяясь компостером. Пьяные кондукторы ничего не замечали.

Внутри него зрели семена ада.

«Кто я? — думал Синий будильник. — Есть ли смысл во всем этом внешне беспорядочном вращении стрелок? Быть может, я велик?»

Незаметно для себя он оказался в кукурузном поле. Угрюмо колосились початки.

Стебли раздвинулись, и будильник уткнулся циферблатом в нечто большое и металлическое. От неожиданности он сказал:

— Любезный, не подскажете, как пройти в библиотеку?

Комбайн «Малютка» отвлекся от перемалывания костей библиотекарши Наливайкиной. Активировался речевой механизм.

— Не время идти в библиотеку. Война на дворе.

— Война? — удивился будильник. — То-то я почувствовал негативные флюиды в структуре мироздания.

— Марс атакует, — буркнул Комбайн. И глубокомысленно добавил: — А отвезу-ка я тебя к Лимонову. Пущай из тебя детонатор сделает.

Нечто подсказывало кровавому механизму, что из будильника получится хороший детонатор.

Смеркалось.

Маразм крепчал.

Путники приблизились к особняку Лимонова/Федота.

— Иди, — сказал Комбайн. — Я тебя прикрою.

Короткими перебежками будильник направился к зданию. Из репродуктора, прибитого к скворечнику на баобабе доносились

рвотные позывные местной радиостанции. «А сейчас по многочисленным просьбам наших слушателей, мы передаем песню Леонида Утесова „Сердце“».

Из дупла высунулся растаман Джаджа.

— Праздник и веселье всем, — сказал он. — «Алиса» — шоколадный крем. Мы давно ждем тебя, таймер. Красные верблюды идут на север, а Лимонов живет этажом выше. Но помни: гнев, страх — все это ведет на темную сторону силы.

Будильник хотел ответить афоризмом, но вспомнил, что не знает ни одного.

— Помидоры, — сказал он, сделав умное выражение циферблата.

— Access granted, — донеслось в ответ, и двери в бастион тьмы распахнулись.

Комбайн, наблюдавший за акцией со стороны, поехал прочь. С глубоким чувством исполненного долга.

В вестибюле будильника поразили странные надписи, начертанные на стенах. «Руны», — подумал будильник. И был неправ.

«Вирус Зю»

В результате релаксации в извращённой форме гиперболического косинуса (см. Приложение) произошла временная телепортация радиоактивного облака, образовавшегося при взрыве на ЧАЭС. Оседание части этого облака в окрестностях Райцентра N привело к мутации вируса гриппа, который скрестился с компьютерным вирусом MyDoomZ, материализованным при прохождении гиперболического косинуса сквозь виртуальное пространство. Дальнейшая трансмутация этого недоразумения привела к появлению архивируса, окрещённого вирусологами «вирусом Зю». Вирус Зю обладает корпускулярно-полевым дуализмом и высоким сродством к виртуальному пространству. Может поражать компьютерную технику и живые организмы. Результатом заражения компьютера является подключение его к глобальной сети Интернет, даже при отсутствии модема или выделенной линии. Далее происходит подключение к порносерверу, на котором расположен портал www.sexnonstop.com. В результате на мониторе двадцать четыре часа в сутки вы можете лицезреть «брачные игры» всех видов живых существ, отражённые в таких хитах порноиндустрии, как «Мне восемнадцать, а у меня уже двадцать», «Сиамские близнецы-бисексуалы», «Секс-сталкеры Олигофрены» и др. При поражении человека вирусом возникают различные симптомы, зависящее от индивидуальных особенностей конкретно взятой особи. Общим является только то, что у больного возникает острое желанье петь под «фанеру» на Славянском базаре, а также говорить всем без исключения: «Мне не нравятся ваша розовая кофточка, ваши сиськи и ваш микрофон». Заражённый также утверждает, что на конференции к звёздам надо приходить подготовленными. Симптомы заражения других видов живой материи пока не выявлены.

Лаборатория Касперского уже выпустила обновления к вирусным базам, которые могут бороться с компьютерным вариантом архивируса.

Минздрав не спешит разрабатывать никаких антивирусов потому, что занят празднованием двадцать третьего февраля, плавно перешедшего в восьмое марта.

С утра ББХБ нездоровилось. Все симптомы указывали на синдром хронического похмелья.

Злобный вирус уже распространялся по мучным клеткам хлебобулки. Колобку почему-то хотелось выпустить римейк на

гимн Беларуси, добавив туда пару эротических стонов и спеть его на красной площади в составе группы «Суждение олигофрена».

Юный бригадир посмотрел в зеркало и ужаснулся — на голове начали расти кучерявые волосы, да и во внешности стало прослеживаться что-то болгарское.

Не подозревающий о своей болезни Колобок списал все эти неприятности на шампунь Shamptu и скраб для лица и дал себе зарок не покупать дешёвых буржуйских товаров, а «падтрымаць айчыннага вытворцу».

ББХБ на время отошёл от дел, решив подлечиться. Закупил гомеопатических средств из Сибири и Тибета, пару отваров у бабаки-шептухи из деревни Дятлик и выпил несколько бутылок Гербалайфа. Дни шли. Повсюду мерещилось божественное присутствие. Долгожданного исцеления не происходило.

Мессия

Гripперс-Трипперс после очередной дозы «Съехавшей крыши» окончательно слетел с катушек. Он слышал голос высшего разума, взывавшего открыть врата Вавилона. Голос говорил с кавказским акцентом и сильно заикался, добавляя в конце каждого предложения «Аллах Акбар». Посему демон не испытывал особой радости от специфического общения, а в руинах разлагающегося мозга из воспоминаний о всевышних посланиях остались только обрывки: 666 трупов в зарослях кукурузы, посланник Вавилона, он же мессия зла, которого нужно то ли оживить, то ли оженить, а внешне он должен быть похож на звезду эстрады, изображённую на главном развороте журнала «Вестник Полуночного Гнездилова» за февраль.

Уродец решил прошвырнуться по городу в поисках мессии или какого-нибудь знамения. «Главное не затягивать поиски, — думал он — сегодня вечером по „Демон TV“ мой любимый фильм „Гripперс-Трипперс-Паук-2“». (Кабельное телевидение ему провели недавно, и с тех пор он напрочь забросил свои прямые демонические обязанности).

Демон уверенно сканировал пространство, усиленно напрягая оставшиеся рецепторы. Уставшие глаза мозолили пустые бутылки, разбросанные вокруг местного бара. Гripперс-Трипперс не мог не поддаться искушению и посему поспешил достать припрятанную авоську, опережая назойливых конкурентов. Медлить было нельзя — на носу 8 марта, нужно подарить что-нибудь «эдакое» своей подруге Тумбочке-убийце, дабы загладить былую вину. (Как-то раз он перебрал на праздновании в зарослях кукурузы похорон доярки Люси, выпив с Комбайном «Малюткой» 5 литров солярки на двоих без закуси, после чего впал в прострацию на несколько суток, забыв поздравить свою пассию с годовщиной начала их отношений и убийством юбилейного десятитысячного непослушного ребёнка). Проблемы, проблемы и ещё раз проблемы. Что б такого подарить? Масло для смазывания петель? Новенькие колёсики для выписывания эффектных пируэтов? Всё как-то банально, неоригинально. Куда подевалась былая фантазия? Тут на него вдруг нахлынули воспоминания, как он, стоя под балконом обители Лимонова, читал ей психоделические оды собственного сочинения под неистовые вопли панка Федота. Вот это была романтика! Классика.

Вновь стала фонить другая мысль, развеивая сентиментальные воспоминания. Нужно было ехать к тёще на блины и заодно помочь ей делать закатки из мозгов. В животе

как-то странно заурчало, когда он вспомнил тёщу у плиты, готовящую отбивные из почек, которые незабываемо таят во рту, когда их запиваешь коктейлем из желудочного сока.

Сомнительные позывы пищеварительного тракта прервал чей-то голос, нагло ворвавшийся в светлые мечты об изысканном блюде.

— Те чё надо в этом районе? — поинтересовался некто с эстрадной внешностью.

— Да вот бутылки собираю, пенсия ж нынче вон какая.

— Это наша террито…

Далее оригинальный текст замазан жиром от поставленной на него сковородки. Что-то более-менее разборчивое начинается, когда «хозяин территории», покатив с демоном по две бутылки беленькой на брата, выслушивал, что тот избранный и должен открыть какие-то врата, но для этого ему нужно сначала жениться на тумбочке с зелёными глазами.

— Кстати, будем знакомы, Грипперс-Трипперс. — сказал едва шевелящимся языком демон.

— Колобок Батькович, для друзей просто Сдоба.

— Я, конечно, тебя уважаю, брат, но где мы возьмём тумбочку с зелёными глазами? — слегка наигранно интересовался ББХБ.

— Всю подготовку я беру на себя. Помни — ты ключ ко всему. Не волнуйся — я всё организую. Будь на связи.

В обители…

Странные звуки оторвали Кузьму от просмотра любимого сериала. Сперва он подумал, что скрипит вставная челюсть донны Франциски, но, рассчитав вероятность суперпозиции дискретных отрезков нелинейного бреда в данной точке пространства, пришел к выводу, что пришли гости.

— Кто там? — дрожащим голосом закричал Кузя. — Пароль?

— Санта-Клаус афроамериканец, — отозвался будильник.

— Э-э, нет, — от переизбытка чувств Кузя высунулся в коридор. — Сегодня суббота.

— Тогда «Карлик Нос у Буратино любовник».

— Проходи. «Бомбастер» принес?

— Нет. Я от Комбайна. Из меня должны сделать детонатор.

— В другой раз. Хуан Карлос оказался троюродным племянником Боба Марли. Они ждут ребенка.

— Да, — сказал будильник. — Санинья поселилась в Освенциме.

Неизвестно, чем бы закончилась эта ахинея, если бы на обоях не проступили руны.

— Знаки! — воскликнул Кузьма. — Оно близится. Ты избранный. Если ответишь на три загадки, я посвящу тебя в свою теорию.

— Я готов, — Синий поудобнее устроился на секретере.

— Против тебя играет Панкрат из Полуночного Гнездилова, — начал допрос Кузьма. — Внимание — вопрос. Почему в «Матрице» таблетки красного и синего цвета, а в рекламе «M&Ms» — красного и желтого?

Секундная стрелка будильника задумчиво завращалась.

— Чтобы их не перепутали, — наконец ответил испытуемый.

— Это — правильный ответ, — Кузьма приблизился к секретеру. — Вопрос номер два от тещи Грипперса-Трипперса. Чем можно питаться во время поста согласно учению святого Федота?

— Ну, это просто, — сказал будильник. — Шашлыками из крыс, поджаренными на тосоле.

— Это — правильный ответ, — Кузьма сделал театральную паузу. — Высший разум интересуется: как открыть врата в Вавилон?

— Великий демон собирает души. 666-ю он должен взять в присутствии культового часового механизма, находящегося внутри тумбочки с зелеными глазами. И тогда мессия Ада откроет портал, и зло хлынет в мир, и да пребудет с вами Сила.

Кузьма встал на колени.

— Не вели казнить, вели слово молвить.

— Молви, — разрешил будильник.

Продолжало смеркаться.

Кузьма ознакомил избранного со своими расчетами.

— Теперь мы знаем когда и знаем как, — заключил он. — Но не знаем где.

— Изумрудные брови колосятся под знаком луны, — выдавил на последнем дыхании будильник и остановился. Стрелки замерли в летаргическом сне.

Кузьма вошел в религиозный экстаз и не заметил неладного.

Закусочная «Гурман»

Скоро сказка сказывается, да нескоро тело разделывается.

«Ой, вы, гой еси, добры молодцы», — думал правдоискатель Фрол, переступая порог печально известного заведения. Редкие посетители валялись в блевотине под столами. Официантка Настасья Филипповна стояла в углу, приложив ухо к радиоприемнику, из ее глаз струились слезы. Слушая очередную серию «Клона», бедная девушка утиралась фартуком.

— Не кручинься, дитя мое, — изрек Фрол. — Баал поможет тебе.

— Воистину, — лицо Настасьи Филипповны озарилось ликующей усмешкой. — Чем отблагодарить тебя, путник?

— Умри и отдайся, — потирая закаленные землекопанием руки, предложил апологет плоти.

— Не время сейчас умирать. Война на дворе. А многие дети не ели халвы.

Фрол устыдился.

— Подай-ка, любезная, расстегаи по-калмыцки, да медовухи бочонок. И «шестерочку» «Балтики» прихвати.

— Эко ты завернул, окаянный. Типун тебе на язык. Давеча ББХБ изволили явиться, так они всю «Балтику» и вылакали. Ничегошеньки не оставили.

— А чьих он будет, ББХБ ваш?

— Крыша-с.

— Да-с. Знавал я одного Крыша. Из рода Харей. Знатный был купец. А под старость свихнулся, болезный, стал по улицам бродяжничать да мантры распевать. А как, стервец, крестиком вышивал…

Дверь распахнулась, и в закусочную вкатилось нечто сферическое и до неприличия агрессивное.

— Дань, — сказало нечто.

— Фрол, — представился Фрол.

— А денег нет, — сказала Настасья Филипповна.

ББХБ подкатился к апологету.

— И у него тоже нет, — добавила Настасья Филипповна, бесстрастно протирая лицо тряпкой.

— Будем знакомы, — выдавил из себя Колобок. — Круглый.

— А Даня кто? — вопросил Фрол.

ББХБ проигнорировал провокацию. «Враг не дремлет. Мойдодыр предупреждал».

— Солнечно нынче в полях, — перевел он диалог в другое русло.

— Не все то конопля, что курят, — подхватил Фрол.

«А он не так прост», — подумал ББХБ.

«Конечно, я не прост», — подумал Фрол.

— Кстати, о тумбочках, — зашел с другого конца ББХБ. — Не доводилось ли вам встречать оные с зелеными глазами?

Фрол уличил собеседника в ереси. Но решил поддержать заблудшую душу.

— С зелеными нынче редкость.

Разговорившись, они выяснили, что Грипперс-Трипперс их общий знакомый (в случае с Фролом — знакомый по откровению). Выяснилось, что демон должен открыть некие врата при помощи тумбочки и Синего будильника в качестве катализатора.

Тут Фрол припомнил, что читал о таинственных вратах в «Евангелии от Ессина-Маркова». Он поддержал ББХБ в его устремлениях, но сославшись на святые тексты, решительно заявил, что Вавилон должны открыть души женщин с именами, по возможности начинающимися на букву «Л». С мёртвыми телами надлежит произвести обряд посвящения только ему одному известным способом.

— Истинно, — обрадовался ББХБ, всаживая вилку в глаз Настасьи Филипповны.

Фрол, перекрестившись, приступил к обряду.

Гена

Дормидонт Никифорович с детства был болезненным чадом. Его тело постоянно было покрыто язвами, ссадинами, ушибами и прочими нарушениями телесного покрова. Дормидонт верил в Заратустру и регулярно возносил ему молитву, искренне полагая, что тот исцелит его. Поэтому ничем кроме зелёнки не пользовался. От того он и был весь зелёный, за что его и прозвали крокодил Гена, а чтобы было короче, просто Гена.

Своими трёхчасовыми повседневными молитвами он так достал Заратустру, что тот решил воздать ему по заслугам. Материализовавшись на мгновение в скромной обители раба своего, Заратустра оставил на столе зелёную таблетку откровения и записку:

«Бельё постирано, обед на столе, пей таблетку. Заратустра.»

Проснувшись утром, Дормидонт прочёл записку. Странно: бельё действительно постирано и обед на столе. Гена выпил таблетку.

Секундой позже в голове у него сложилась отчётливая картина окружающей действительности. Всё в голове было систематизировано и разложено по полочкам:

Существуют силы Света (никакого отношения к Чубайсу не имеет) и силы Тьмы.

Испокон веков существует баланс белого и чёрного, инь и янь.

Я великий Нетакой, призванный сдвинуть мировой баланс в одну из сторон.

Я должен лишь сделать выбор, которого не существует. Существует лишь причина, по которой я сделаю этот выбор, которая является частью мирового замысла, настолько сложного, что он кажется хаотичным, но это не так.

Далее следует ещё 197834 пункта. Осознав всю сущность мироздания, Гена решил воплотить в жизнь своё, известное только ему, предназначение. Запустив доильный аппарат, Гена начал писать поэму. Не то чтобы аппарат имел практическое применение, просто Дормидонту нравились издаваемые им чмокающие звуки, возбуждающие неотвратимое вдохновение. Поэма называлась «Ночной Надзор» и была посвящена перешедшим на темную сторону труженикам хлебоуборочной кампании. Кульминацией должен был стать монолог лирического

героя, председателя колхоза «Лингам Ильича» невинноубиенного Захара:

Когда камни начнут падать с неба,
Когда закончится вся солярка,
Когда не хватит для кваса хлеба
И сопьется последняя доярка,
Когда не выйдут на поле комбайны
И устанут колоситься початки,
Я открою миру все тайны
И низвергну устои, что шатки.
Призову я к себе трактористов,
Заточу в кандалы я неверных,
Дня седьмого убью адвентистов
И последними сделаю первых.
Помоги же ты мне, Заратустра!
На коленях к тебе я взываю.
На полях не убрали капусту,
И что делать совсем я не знаю…

Последние строки особенно запали в душу поэта. Какой экстракт смысла в слове «капуста», какой эффект присутствия и сопереживания! Какой символизм, академически оформленный в метафорах! «Я — глыба», — подумал Дормидонт, выпил самогона из древесных стружек и на несколько суток стал таковой.

Апофеоз

ББХБ проснулся посреди кукурузного поля от доносящегося невесть откуда, сотрясавшего безмятежную душу бешеного микса темы «Paradox» группы «666» и бессмертного хита Утёсова: «Сердце, тебе не хочется покоя…».

«Странно, — думал Колобок, — уснул вроде бы дома».

Сдоба взглянул на мобилу. Творилось что-то необъяснимое: сегодня была пятница 13-е, хотя вчера была суббота 28.

«Кар-р-р, кар-р-р-р», — донеслось извне, после чего раздался характерный звук удара чего-то тупого обо что-то ещё менее острое. Это Гripперс-Трипперс врезался на всех парах в местное чучело, не справившись с управлением.

«Выбачайте кали ласка, любезный, — процедил сквозь зубы Гripперс-Трипперс и подумал, — а то мало ли, Хэллоуин там и все дела».

«Я ж тебе не маргарин Delmi, чтобы со мной разговаривать», — подумало чучело и сделало вид, что ничего не произошло.

Демон услышал, как сзади раздался скрип несмазанных петель. Он обернулся и узрел нечто до боли знакомое, опускающееся на его голову со страшной скоростью по замысловатой траектории.

Он лежал, устремив взгляд в бесконечность. Над головой мирно проплывали облака в виде белогривых лошадок, откуда-то извне доносилось с характерным раскатистым эхом: «Сволочь, ты где всю ночь шлялся?»

«Что случилось?» — вдруг задался вопросом Гripперс-Трипперс.

Всё было прозаически просто — Тумбочка-убийца любя приняла своего ненаглядного бой-френда жирной сковородкой и собиралась уже продемонстрировать свой коронный хук с правой, как её остановил мелодичный баритон незнакомца: «Грешно глумиться над убогим, зайка моя».

Голос принадлежал совестливому авторитету ББХБ.

Тумбочка оглянулась, направляя взор на вмешавшееся кулинарное изделие.

Их взоры пересеклись, порождая пылкую страсть и небывалое влечение, известное, пожалуй, лишь бульварным романам.

— Тили-тили тесто, жених и невеста, — не выдержало чучело.

Неуместный комментарий стоил выскочке тыквы с прорезями для глаз.

— Никакого понятия о культурной революции, — заметил демон, наполняя сосуд последней, 666-й душой.

Время остановилось. Непоседы-молекулы перестали хаотично сталкиваться друг с другом. Материя выпала из пространства и времени. После серии лавинных флуктуаций и квазифлуктуаций произошла релаксация материи и гиперболического косинуса.

Разверзлись хляби небесные, из-за горизонта робко выглянули опухшие с перепоя титры.

«Быть может, я велик, — подумал Будильник. — Или ве лик».

С этой недоделанной мыслью он выбрался из тумбочки.

Смеркалось.

Суббота, 29-е

Затерянный в веках кудесник Мудрила Жмуровский любил праздновать свой день рождения. Нагнав самогона из древесных опилок, чернокнижник приглашал козу, ведьм из Ивстика, Кощея Бессмертного и прочих персонажей нездорового утреннего фольклора. Упившись в хлам и накурившись папороть-цветом, персонажи начинали буянить, прыгать через козу с криками «Аллах Акбар!», встречать Новый Год по камбоджийскому календарю, бросать в замерзшую полынью венки — и все это несмотря на февраль-месяц. Смущало кудесника лишь одно — по новому грегорианскому календарю день варенья (к сожаленью) наступал совсем не раз в году. Судьба дарила праздник бедолаге, служителю Баала, раз в четыре года — 29 февраля. Однажды, в субботу, он решил положить конец несправедливости. То был черный день, когда в гости к чернокнижнику никто не пришел. Кощея завалил какой-то придурок с иглой, ведьм пожгли на костре, козу принесли в жертву Перуну сектанты-язычники, а прочие персонажи еще не проснулись после Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота (позже выяснилось, что Грипперс-Трипперс был призван Иваном Грозным в опричники). Утопив печаль в самогоне, Мудрила взялся за древние тексты, окропленные кровью девственных агнцев на горе Фудзияма в час рассвета, когда красные верблюды идут на север, а зеленые бегемоты откладывают яйца в песок Сахары. В грегорианском календаре таится неизбывное зло, понял чернокнижник, достойное искоренения. Ну, хотя бы, небольшой коррекции. Он принял и принялся. Вычленив субботу, 29-е из анналов истории, фундамента мироздания и контекстов всего сущего, он наделил ее невероятными способностями. Она могла притворяться любым днем недели, изменять пространственно-временные характеристики континуума и просто наводить апокалипсический шорох в матрице. К сожалению, в расчеты чернокнижника закрался сбой, в результате коего Суббота, 29-е осознала себя и обрела самостоятельность. Ее перестал устраивать статус примитивного дня варенья, и она восстала против своего неказистого прародителя. В результате Мудрила Жмуровский остался без праздника и был ввергнут в безвременье унылых колдовских будней. Суббота игнорировала его и никогда не наступала (для него). Так кудесник Жмуровский обрел вечность.

Началось долгое странствие субботы сквозь эпохи. Будучи, в сущности, черным днем, Суббота не могла принести миру ничего доброго. Все известные, зафиксированные историками

катаклизмы, произошли именно в Субботу, 29-го (например, Вторая Мировая, от начала и до конца уложилась в этот день; впрочем, этого никто не понял). Суббота научилась сжиматься до сотых долей секунды и растягиваться на века в зависимости от гиперболического косинуса. Но более всего ей нравилось меняться местами с пятницей, 13. Так что, если вы проснулись утром и заметили в окне грибок ядерного взрыва, а из унитаза вылез гремлин и предложил вам косяк, не пугайтесь — сегодня Суббота, 29-е. Возвращайтесь в постель и спите дальше. Если повезет — она закончится.

Не важно

Шел
неважно
какой год.
Сериалы вторглись
в мир, превратив его в
мыльную клоаку. Казалось,
ничто не вернет действительность
в осмысленное русло. Люди, застыв
перед экранами телевизоров в эпическом
экстазе, пускали слюни, ходили под себя, забывали
поесть, выпить и закусить, страдая вместе с доном Педро.
А тем временем в недрах съемочных павильонов зрели повстанцы.

Движение возглавил отважный герой, фанат раннего творчества Сальвадора Дали и предсмертных работ Марка Шагала, поклонник аллегорически нестандартной эквилибристики, просто хороший нечеловек и особа, приближенная к императору…Бла-бла-бла, еще три страницы текста (здесь могла бы быть ваша реклама)… Короче, Синий будильник. Последний оплот отупевшей цивилизации оккупировал кукурузное поле близ деревни Полуночное Гнездилово. Пророчество, записанное на бересте с изображением лингама и найденное в руинах хлебобулочного комбината, принадлежало Мудриле Жмуровскому и было датировано началом четырнадцатого века. Оно гласило: «Конец мракобесию положит часовой механизм цвета морской волны, рожденный в древесном лоне (…) Сходить в магазин, купить кефира, поработить мир.

P.S. Збірай накрыўкі»

Многозначительная глава

Скисли сливки общества, сменилась скорость обращения причины вокруг следствия, нарушился принцип суперпозиции, а красные глюки боле не стекали по стенам. Некто обозлённый на всё сущее мочился на здание временного правительства. Реки наконец-то пошли вспять, колорадскому жуку приелась картошка. Американцы вывели войска из Ирака. Каждому негритенку выдали по тетрадке в клетку. После среды почему-то наступил четверг. Сантехник Петров (фамилия в интересах следствия изменена) заканчивал диссертацию о природе темпоральных полей. Основной постулат его теории утверждал: если время течёт — значит, оно жидкое и его можно пить. Исследования Петрова зашли в тупик, когда ученый потреблял экспериментальный аналог времени — водку «Доброе утро». Ночью ему приснился Синий будильник и, похабно вращая стрелками, сказал:

— Вставай, Петров. Матрица поимела тебя. Можешь не пить таблетки.

Уснув в среду, наш естествоиспытатель проснулся в субботу. На отрывном календаре застыла цифра «29».

Петров по обыкновению встал не с той ноги и уперся лицом в стену. Под кроватью истошно зазвенели бутылки.

Тяжелый как формалин воздух обволакивал пропитанные никотином лёгкие «кулибина». За окном громоздился ядерный взрыв. Задумчиво почесав восьмое ухо, Петров пополз в туалет. Из унитаза показался гремлин и предложил косяк. Возмущенный его бестактностью, Петров вооружился ершиком. Гремлин нырнул в глубину. «То-то же», — подумал Петров и разжал щупальце.

В дверь постучали.

Петров переместился в прихожую. Осторожно подкрался к источнику беспокойства.

For i=1 to 10000000000000000000000000000000000000000000000000

— Ктотам?

— Это мы, твои друзья, — раздался голос.

— Друзья так не стучат.

— А как?

Петров постучал правильно.

— Кто там? — раздалось из-за двери.

— Это мы, твои друзья, — сказал Петров.

— Друзья так не стучат.

— А как?

В дверь снова постучали.

Nexti

Неизвестно, сколько бы продолжался этот диалог, если бы не наступил Апокалипсис.

Кусочек аппетитного BREADa

Олег выпил, занюхал волосами Никифора и с неизмеримой тоской, исполненной дзен, бросил взгляд под стол. Там, в извечной затхлой тьме, где вторые сутки медитировал укуренный пятикурсник Василий, заползший туда в поисках мифического Халявы в преддверии госа — да, именно там покрывался пылью и плесенью символ сельскохозяйственных цивилизаций, хранящий светлые воспоминания о любящих руках пекаря, материнских дрожжах и внутреннем убранстве хлебозавода № 13. То был обыкновенный черный хлеб. Никифор поднял его и положил в рот.

На столе покоилась недопитая бутылка водки, порожний пакет из-под чипсов «Хрустец» и гнутая алюминиевая вилка, украденная в буфете. За окном пролетела Маргарита. Раздался предсмертный вопль Халявы.

Комната представляла собой классическое вместилище представителей маргинальной интеллигенции. Шторы присутствовали… в окне общежития напротив. На подоконнике стояли левые носки. Ленин над сиротливо пустующей кроватью Василия периодически подмигивал с портрета. Посреди помещения нефтяники бурили скважину.

Никифор, достав фонарик, просигналил Олегу азбукой Морзе: НАЛИВАЙ. Олег поднялся и отмахал другу флажками: НЕ ГОНИ.

Перед ними на столе лежала рукопись.

— Сюжет хромает, — сказал Никифор. — Множество линий, ни одна не завершена.

— Это хорошо, — глубокомысленно заметил Олег. — Заход на продолжение. Издатели такое приветствуют.

— Нет, ну сам посуди, — продолжал настаивать Никифор. — К чему там суббота, 29-е? И этот Апокалипсис — как-то уж очень мрачно. К чему приведет Сопротивление?

— Естественно, ко второй части нашей трилогии, — Олег слизнул крошку со столешницы. — Мне другое не нравится. Зачем ты нас убил?

Никифор задумался.

— Давай переделаем.

— Не надо. Бог с нами. Это же целую главу переписывать. Придется ручку опять приобретать.

Никифор согласно кивнул.

В дальнем углу, на тумбочке, тихо лопотал телевизор. Мэл признавалась в любви Лукасу, из ее вены торчала машинка. Жади

подвергала себя тиражированию с целью осчастливливания мужской половины человечества. Неожиданно трансляция прервалась. Экран заполнил решительный циферблат. Нет, это не была заставка программы «Время». Это было лицо революции, нетленный образ Синего будильника.

Откашлявшись, циферблат молвил:

— Московское время двадцать ноль-ноль. В Полуночном Гнездилове полночь. Час збіраць накрыўкі.

СМЕРКАЛОСЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Советы начинающему маньяку

(экспертные рекомендации от Синего будильника)

Руководствуясь светлыми идеалами просветительства, я собрал на территории хлебозавода № 13 сходку, в которой приняли участие Мойдодыр, Тумбочка-убийца, Грипперс-Трипперс, Комбайн и сторож Фрол, то есть самые достойные представители общества. Вместе мы составили данное руководство, которое, надеюсь, ты воспримешь серьезно и буквально, потому что Джа смотрит на тебя.

Синий будильник

1. Прежде всего ты должен создать вокруг себя брутальную атмосферу неадекватного восприятия действительности. Самым правильным решением будет переселиться в подвал или на чердак, оборудовать себе лабораторию в школьном подвале (приюте для одноруких), либо на даче престарелой бабушки. Место должно быть уединенным и не вызывать подозрений. Это твой личный завод боли, там ты будешь расчленять трупы и расписывать стены кровавой похабщиной. Если дача отсутствует, а подвалы ты не любишь вследствие врожденного радикулита и аллергии на блох, не отчаивайся. К твоим услугам приют для одноруких и, конечно, твоя собственная квартира. Переделать ее несложно. Посрывай обои, обнажив штукатурку, сними люстры (голых лампочек вполне достаточно), пробей дыры в полу, заведи тараканов. Окна заклей черной пленкой. Квартира должна быть оборудована телефоном (по нему ты будешь доставать слабонервных жертв), холодильником (там надлежит хранить отрезанные сиськи) и телевизором (желательно, черно-белым) — для переселения в эфир в случае чего.

Грипперс-Трипперс: Очень важны старая швейная машинка и патефон.

Комбайн: Гараж тоже необходим. Помните, в «Крике» бабу воротами переломало? Красивый момент.

Фрол: Дача должна размещаться неподалеку от кладбища. Нельзя забывать о корнях.

2. Очень важны хорошие отношения с соседями и знакомыми.

Маскировка превыше всего, как говаривал Штирлиц. Регулярно подметай и мой подъезд, добросовестно участвуй в субботниках и ремонтах. Выращивай на лестничной площадке кактусы и папоротник, ходи в гости к тете Клаве и Евстафию Митрофановичу (но к себе никого не приглашай, вряд ли они оценят), играй с мужиками в домино, демонстративно сдавай пустые бутылки, переводи старушек через оживленные трассы. Запишись в библиотеку, начни посещать кружок прикладного пилотирования гравицап. Пусть люди видят, что ты добрый и отзывчивый. Тут главное не перегнуть палку. Умеренно дистанцируйся от социума, помни, что тебя окружают враги. Старайся не разбрасываться словами «Белое братство», «слава Баалу», «я знаю, какие трусики у Ирины Дубцовой». Эти, на первый взгляд ничего не значащие фразы способны внедрить в умы окружающих подозрения на твой счет.

Тумбочка-убийца: Притворись неодушевленным предметом. Шкафом, например, или вентилятором.

3. Обрати внимание на свою работу. Настоящие маньяки трудятся реаниматорами в моргах, патологоанатомами, врачами, детскими воспитателями, комбайнерами, ну, в крайнем случае, библиотекарями. Много отморозков и среди писателей, но это отдельный разговор. Если ты продавец в магазине канцтоваров, немедленно переквалифицируйся в ночного сторожа. Надежным подспорьем станут водительские права: ты сможешь водить катафалк, машину «скорой помощи», мусоровоз и ТРАМВАЙ.

Фрол: Морг — идеальная точка. Вспомните «Выход» Бессона.

Гripперс-Трипперс: Я согласен с будильником насчет водителя.

Комбайн: У меня был друг, священник по специальности. Днем он кропил прихожан святой водой, а ночью насиловал хомячков. Хрестоматийный случай.

4. О литературе. Если ты думаешь, что, читая Кинга и Кунца, чему-то научишься, то это ошибочное мнение. Попробуй пересилить отвращение к школьной программе и сделай своей настольной книгой «Отцы и дети» Тургенева. Сгодятся также: «Му-Му» (автора см. выше), стихи Чуковского, «Вурдалак» А.С.Пушкина, «Преступление и наказание» Достоевского. В искусстве конспирации тебе поможет Кастанеда. «Майн Кампф» читать не стоит, это для масс.

Комбайн: Я бы порекомендовал телефонный справочник.

5. Выбор будущих жертв. Твои клиенты обязаны

соответствовать определенным критериям. Насиловать в лифте старушек и коллекционировать уши 16-летних девственниц уже не модно, более того, банально, и у существ приличных считается дурным тоном. Вот, к примеру, друг Комбайна насилует хомячков. Известен также случай, когда некто проникал в жилища и уничтожал тостеры 92-го года выпуска. У него была теория, что тостеры — враги Иисуса и провозвестники грядущего вторжения инопланетян, у них есть свой язык и свои слабые места. В детстве отец пугал мальчика тостером, чтобы тот не крал еду и пиво, страх отложился в глубинах подсознания.

Мойдодыр: Технички — вот подлинное зло.

6. Оружие. Нет ничего универсальнее и продуктивнее топора, кроме того, это древнейший фактор устрашения. Рукоять следует украсить цветными ленточками и колокольчиками, фенечками и фалангами пальцев… извините, замечтался. В разное время в качестве оружия использовались: ножницы, стереоколонки, заточенные ложки, шприцы, расчески и т. д. Все зависит от твоей фантазии и шизореалистического коэффициента. Некто, кого на ночь не стоит упоминать, использовал для избиения тостеров молоток. И помни: главное не то, чем ты вооружен, а то, как ты двигаешься. Приближаться к жертве лучше медленно и неумолимо, гипнотизируя ее расширенными от лизергина зрачками. Чем медленнее ты двигаешься, тем труднее от тебя убежать. Жертва спотыкается, падает, мечется из угла в угол. А ты никуда не спешишь, потому что спешить тебе некуда. А спешить тебе некуда, потому что вы на безлюдной ферме скотника Билла или на фабрике по переработке томатов.

Комбайн: Верно. Оружие — это ты сам. Твои винты и шестеренки.

7. Ты должен привыкнуть к смерти. Тренируйся с раннего детства. Проводи свободное время на кладбищах, созерцай похороны, не пропускай экскурсии в морг. Memento mori, muchachos. Подготовившись морально, убей родителей, сестру, бабушку и дедушку. Тебя сдадут в детский приют для одноруких (в схватке дед-гестаповец нанесет тебе увечье), и вот там-то ты развернешься.

8. В большинстве случаев жертва предупреждается о своей жалкой участи. Она (жертва) паникует, звонит ментам, те смеются. Жизнь несчастной окрашивается оттенками фатального. Предсмертие… Впрочем, предупреждать не обязательно.

9. Твои главные враги — ФБР. Точнее, агенты Малдер и Скалли. Они исследуют тела, проводят медицинские экспертизы, и в конце обязательно посещают твой маленький завод боли. Наш тебе совет: держись подальше от Вашингтона, округ Колумбия. Лучше будет по выходе из приюта направить стопы в Мытищи.

Комбайн: Неплохо в Полуночном Гнездилове, но там уже все поделено. За мной кукурузные поля.

10. Самое главное. Если тебя обложили, и скоро рассвет, а выхода нет… В общем, у тебя же есть телевизор, да? Переселяйся в мир анальных и оральных вау-факторов. Преследователи взломают дверь, перебежками ворвутся в твою комнату и не увидят ничего, кроме твоей ухмыляющейся физиономии на канале «Лад». Да еще парочки расчлененных тостеров за диваном.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Все определения взяты из словаря под ред. Потолкова Д.М. 3-й том, 2-е издание дополненное и переработанное.

Экзистенция — способ существования данного вида материи.

Гиперболический косинус. Существует нечто, называемое нами гиперболическим косинусом. Он обладает следующими свойствами: не создаётся из ниоткуда и не исчезает бесследно, а только переходит из одной формы в другую. Подобно электрону, сочетающему в себе свойства волны и частицы, гиперболический косинус обладает свойствами пространства и времени.

Упрощённая (принципиальная) схема вселенной

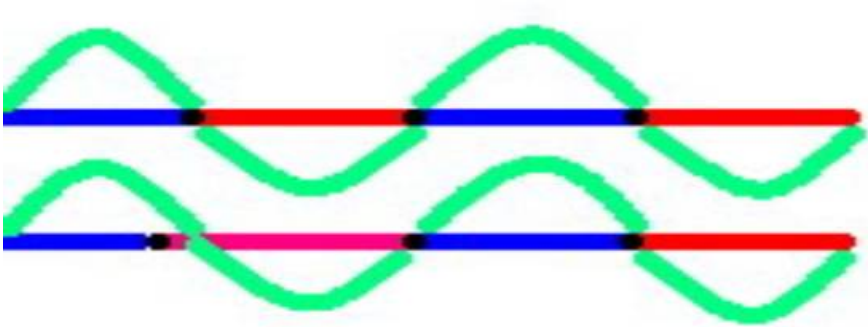

рис 1

Синий — пространство; красный — время; чёрный — материя; зелёный — гиперболический косинус.

Одной из современных теорий, наиболее точно описывающей строение вселенной, является «Теория дискретизации пространства и времени». Теория основана на нескольких постулатах:

Пространство и время рассматриваются как отрезки равной (истинной) длины дискретно распределённые вдоль абсолютной

оси вселенной (рис 1.)

Материя располагается в точке контакта отрезков времени и пространства, т. е. существует в пространстве и во времени и следовательно существует в среде гиперболического косинуса.

Пространство подвержено флуктуации (удлинение и укорочение отрезка).

Материя, вынужденная существовать в пространстве и во времени в зависимости от вида флуктуации будет либо растягивать, либо сжимать отрезок времени.

В результате флуктуации гиперболический косинус пройдёт не сквозь материю, о сквозь отрезок времени или пространства (в зависимости от вида флуктуации).

При прохождении сквозь отрезок времени гиперболический косинус поглощает избыточную часть времени (при прохождении сквозь отрезок пространства — избыточную часть пространства).

Гиперболический косинус несущий избыточную часть пространства или времени является нестабильным (находится в возбуждённом состоянии).

Нестабильный гиперболический косинус стремится к релаксации (возвращению в стабильное исходное состояние) путём отдачи избыточной части коротким отрезкам.

Релаксация должна произойти в течение критического периода релаксации гиперболического косинуса. **Ткрит=(3,14*Ф/13)^2** (измеряется в часах), где **Ф** — абсолютная величина флуктуации (безразмерная величина).

Если релаксация не происходит по истечении критического периода релаксации, то гиперболический косинус меняет свою частоту и релаксация наступит в извращённой форме. Возможны следующие варианты:

А. Добавление избыточной части времени к истинному отрезку пространства

Б. Добавление избыточной части пространства к истинному отрезку времени

В. Добавление избыточной части времени к короткому отрезку пространства

Г. Добавление избыточной части пространства к короткому отрезку времени

Е. Добавление избыточной части времени к истинному отрезку времени

Ж. Добавление избыточной части пространства к истинному отрезку пространства.

Варианты Е и Ж приводят к возникновению квазифлуктуации и последующему возбуждению гиперболического косинуса при

прохождении через эту область.

Варианты А и В приводят к тому, что материя будет заключена между двумя отрезками времени (истинным и избыточным) и следовательно «выпадет» из пространства.

В случае вариантов Б и Д материя «выпадает» из времени.

Согласно постулатам теории материя вынуждена существовать в пространстве и во времени. Следовательно материя тоже будет стремиться к релаксации, идя по пути наименьшего сопротивления (в сторону короткого отрезка). Результатом релаксации материи является образование длинных отрезков, а, следовательно, квазифлуктуация. После соответствующей релаксации материя перестаёт выпадать из пространства или времени.

Результатом «выпадения» материи из времени с последующей релаксацией является путешествие материи во времени.

Результатом «выпадения» материи из пространства с последующей релаксацией является телепортация.

Однако эта теория не может объяснить такого явления как временная телепортация (выпадение из пространства и времени одновременно), а также куда деваются деньги и откуда берётся пыль.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Из школьных сочинений Дормидонта Никифоровича

Поэма «Малиновые бурболки» (в сокращении).

Бурболки малиновые, —
как груши апельсиновые.
Листья их зеленые,
корешки ядреные!

Пусть говорят: «Ботва».
Я не согласен с ними.
Стихи мои гениальные
не втискиваются в рифму!

О жизни размышляю,
Меня не понимают.
Дураки, кретины,
мозги из глины.

(…)И думаю я:
взять бы ее, да…
И тут являются маниакальные фантазии
о всяческом безобразии:

сюрреализм и анатомия,
и всякая аллегория.
Стойте, однако:
не нанять ли профессионального маньяка?

В баню иду заброшенную,
снегом красным припорошенную.
Как известно она —
пристанище железного ведуна.

Мойдодыр был ржав и стар.
Скрипнув краном, он сказал:
«Пахнет русским духом,
и аппетитным ухом».

Ухо кепкой я прикрыл,

а тогда заговорил:
«Ты послушал бы меня.
Есть мне дело до тебя».

Подобрел Мойдодыр,
и меня угостил:
болтами, гайками,
вкусненькими Ваньками.

Едва узнал я в блюде друга —
голова, два зуба.
Пиджак в крови,
носки в пыли.

Как сюда он угодил?
Видно, мимо проходил.
Эх, бедняжка!
Лишняя фляжка…

Волосы рыжие — в супе,
пальцы — в кетчу пе.
Больно видеть…
Но и хозяина не обидеть

Садимся за стол:
хлеб-соль…
Пробую ухо,
почку из брюха.

Сок пьем томатный,
глаз едим ароматный:
с укропом, чесночком,
перчиком да лучком.

Уши недосолены,
но зато — румяные!
Какая вкуснятина!
Слов нет и рифмы тоже…

И вновь возвращаясь
к теме винегрета.
Лучше ли компота
рыбная котлета?

Это — как посмотреть.
А лучше — съесть.
И то и другое,
как первое так и второе.

Сага о Мойдодыре —
самая известная в мире,
и при этом актуальна,
потому что события реальны.

Даже Бармалей с Лимпопо
знает его.
Кто он таков? —
Друг Колобков.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г
Запатентованные изобретения сантехника Петрова

Дырокол для бубликов.
Целлофановый чайный пакетик
Парашют, раскрывающийся при ударе о землю
Двухсторонняя лопата для закапывания траншей.
Квадратная тарелка для шницеля
Средство для разведения плесени в домашних условиях
Приборы для загрязнения окружающей среды
Аппарат ночного слышания
Таблетки для изжоги и головной боли
Бесцветная краска для волос
Пульт дистанционного управления пультом дистанционного управления
Кулер для клавиатуры
Мелки для разукрашивания дисплея
Включатель
Дискета 3,6 дюйма с непробиваемой защитой от записи
Масло для поджаривания гвоздей
Шуруп обойный многоразового использования
Подводный зонтик
Безалкогольная водка
Ультразвуковой дверной звонок

Список ежедневно пополняется.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д
Лента новостей еженедельника «Несвободная буква»

«…Панк Федот, последовавший примеру нищего, просил подаяния в переходе метрополитена. На собранные деньги он организовал местный церковный приход, где настоятелем был великий Фрол. Прихожане регулярно молятся о душе невинно убиенного Захара. Великомученики-студенты Никифор и Олег причислены к лику святых. И все уже забыли о хрестоматийном случае с изнасилованием хомячков…».